

Тысяча и одна НОЧЬ

Том XIV

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Тысяча и одна ночь

Эпосы, легенды и сказания
Тысяча и одна ночь. Том XIV

«ФТМ»

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том XIV / Эпосы, легенды и сказания — «ФТМ», — (Тысяча и одна ночь)

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш. «1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные. Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира. В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

Содержание

Сказка о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице (ночи 863–894)	5
Восемьсот шестьдесят четвёртая ночь	7
Восемьсот шестьдесят пятая ночь	10
Восемьсот шестьдесят шестая ночь	13
Восемьсот шестьдесят седьмая ночь	18
Восемьсот шестьдесят восьмая ночь	21
Восемьсот шестьдесят девятая ночь	24
Ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти	26
Восемьсот семьдесят первая ночь	29
Восемьсот семьдесят вторая ночь	32
Восемьсот семьдесят третья ночь	35
Восемьсот семьдесят четвёртая ночь	37
Восемьсот семьдесят пятая ночь	39
Восемьсот семьдесят шестая ночь	41
Восемьсот семьдесят седьмая ночь	43
Восемьсот семьдесят восьмая мочь	45
Восемьсот семьдесят девятая ночь	47
Ночь, дополняющая до восьмисот восьмидесяти	49
Восемьсот восемьдесят первая ночь	52
Восемьсот восемьдесят вторая ночь	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тысяча и одна ночь. Том XIV

Сказка о Нур-ад-дине и Мариам- кушачнице (ночи 863–894)

Рассказывают также, – начала новую сказку Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы один человек – купец, в земле египетской, по имени Тадж-ад-дин, и был он из числа великих купцов и людей верных и благородных, но только он увлекался путешествиями во все страны и любил ездить по степям, пустыням, равнинам и кручам, и морским островам, ища дирхема и динара. И были у него рабы, невольники, слуги и рабыни, и долго подвергал он себя опасностям, и терпел он в путешествиях то, от чего седыми станут малые дети, и был он среди купцов того времени богаче всех деньгами и прекраснее всех речами. Он обладал конями, и мулами, и верблюдами, двугорбыми и одногорбыми, и были у него кули, мешки и товары, и деньги, и материи бесподобные – свёртки тканей из Химса, баальбекские одежды, куски шёлкового полотна, одеяния из Мерва, отрезы индийской материи, багдадские воротники, магрибинские бурнусы, турецкие невольники, абиссинские слуги, румские рабыни и египетские прислужники, и были мешки для его поклажи – шёлковые, так как у него было много денег. И был он редкостно красив, с гибкими движениями и, изгибаясь, вызывал желание, как сказал о нем кто-то из описывающих его:

О, вот купец! Я видел – влюблённые
Сражались все из-за него в битве.
И молвил он: «Чего народ тут шумит?»
И молвил я: «Из-за тебя, купчик!»
А другой сказал, описывая его, и отличился, и выразил о нем
желаемое:

О, вот купец! Для близости он пришёл,
И взорами смутил он мне сердце.
И молвил он: «Чего ты смущаешься?»
И молвил я: «Из-за тебя, купчик!»

И был у этого купца ребёнок мужского пола по имени Али Нур-ад-дин, и был он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца, редкостно красивый и прекрасный, изящный в стройности и соразмерности. И в один из дней этот мальчик сел, по обычаю, в лавке своего отца, чтобы продавать и покупать, брать и отдавать, и окружили его сыновья купцов, и стал он между ними подобен луне средь звёзд, с блистающим лбом, румяными щеками, молодым пушком и телом, точно мрамор, как сказал о нем поэт:

«Опиши нас!» – изрёк красавец.
Молвил я: «Ты лучше всех!»
И сказал я слово кратко:
«Все прекрасно, знай, в тебе!»
А также сказал о нем один из описывающих его:

Вот родинка на поле его ланиты,
Как точка амбры на мраморной тарелке.

А взоров его меч тому вещает:
«Аллах велик!» – кто страсти не послушен.

И сыновья купцов пригласили его и сказали: «О Сиди Нур-ад-дин, мы хотим сегодня погулять с тобой в таком-то саду». И юноша ответил: «Я только спрошусь у отца: я могу пойти лишь с его позволения». И когда они разговаривали, вдруг пришёл его отец, Тадж-ад-дин, и его сын посмотрел на него и сказал: «О батюшка, дети купцов приглашают меня погулять с ними в таком-то саду. Позволишь ли ты мне это?» – «Да, о дитя моё», – ответил Тадж-ад-дин. И затем он дал сыну немного денег и сказал: «Отправляйся с ними».

И дети купцов сели на ослов и мулов, и Нур-ад-дин тоже сел на мула и отправился с ними в сад, где было все, что желательно душе и услаждает очи. Там были высокие колонны и строения, уходящие ввысь, и были у сада сводчатые ворота, подобные портику во дворце, и лазоревые ворота, подобные вратам райских садов, привратника которых звали Ридван, а над ними было сто палок с виноградными лозами всевозможных цветов: красных, подобных кораллам, чёрных, точно носы негров, и белых, как голубиные яйца. И были там сливы, гранаты и груши, абрикосы и яблоки – все это разных родов и разнообразных цветов, купами и отдельно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дети купцов, войдя в сад, увидели в нем полностью все, чего желают уста и язык, и нашли там и разноцветный виноград, кучами и отдельно, как сказал о нем поэт:

Виноград вот, а вкус его – вкус напитка,
Цветом мрачен и ворону он подобен.
Средь листвы своей вырос он, и ты видишь –
Пальцам женщин подобен он в тёмной краске.
И сказал о нем также другой поэт:

Вот лозы – с палочек своих свисая,
Они меня напомнят художью.
Напомнят они мёд и воду в кружке
И, бывши суслом, обратятся в вина.

И потом юноши пришли к беседке в саду и увидели Ридвана, привратника сада, который сидел в этой беседке, точно он, Ридван, – страж райских садов. И они увидели, что на этой беседке написаны такие стихи:

Аллах, напои тот сад, где кисти свисают вниз,
И ветки, упившись сильно, с ними склоняются.
Когда ж заплясать заставит ветки рука ветров»
Украсит их дождь с небес жемчужными точками.
А внутри беседки они увидели такие написанные стихи:

Войдём с тобой, приятель, в прекрасный сад –
Заботы ржу снять сможет он с сердца нам.
Там ветерок, идя, запинаясь,
И все цветы в руках улыбаются.

И были в этом саду плоды разнообразные и птицы всех родов и цветов: вяхири, соловьи, певчие куропатки, горлинки и голуби, что воркуют на ветвях, а в каналах его была текучая, и блистали эти потоки цветами и плодами услаждающими, подобно тому, как сказал поэт:

Ветерок в ветвях пролетел его, и сходство есть
В них с красавицей, что в одежде пышной качается.
А ручьи его нам мечи напомнят, коль вынут их
Руки витязей из теснины ножен, хранящих их.
И также сказал о нем поэт:

Под ветвями струй протянулся ток, и вечно он
Отражает образ прекрасный их в глубине своей.
Но, смекнувши, ветер из ревности полетел к ветвям,
И сейчас же их от сближения отклонил он с ним.

А на деревьях в этом саду было каждого плода по паре, и были в нем гранаты, похожие на кайраванские шарики, как сказал поэт и отличился:

Вот гранаты с тончайшей кожей; сходны
С грудями девы, выступят коль округло.
Когда очистишь их, они покажут
Нам яхонты, смущающие рассудок.
А также сказал о них поэт:

О круглая! Всякому, кто к ней в глубину проник,
Покажет она рубины в складках из Абкара.
Гранат! Я его сравнил, когда увидел его
С грудями невинных дев иль с мраморным куполом.
Больного в нем исцеленье, здравие для него,
О нем изречение пророка пречистого.
О нем говорит Аллах – высоко возвышен он! –
Слова столь глубокие в писанье начертанном.

И были в этом саду яблоки – сахарные, мускусные и даманийские, ошеломляющие взор, как сказал о них поэт:

Вот яблоко двух цветов – напомним смотрящему
Любимого с любящим ланиты, что встретились.
На ветке они блестят, в чудесном несходные.
Один из них тёмн, а другой – в нем сияние.
Обнялись они, и вдруг доносчик их испугал:
Один покраснел, смутясь, другой побледнел в тоске.

И были в этом саду абрикосы, миндальные и камфарные, из Гиляна и Айн-Таба, и сказал о них поэт:

Вот абрикос миндальный – как влюблённый он,
Когда пришёл любимый и смутил его.
А влюблённого в нем довольно качеств, поистине:
Лицом он жёлт, и разбито сердце всегда его.
И сказал о них другой и отличился:

Взгляни на абрикос ты: цветы его –
Сады, чей блеск глаза людей радует.
Как яркие светила, блестят они,
Гордятся ветки блеском их среди листвы.

И были в этом саду сливы, вишни и виноград, исцеляющий больного от недугов и отводящий от головы жёлчь и головокружение, а смоквы на ветвях – красные и зеленые – смущали разум и взоры, как сказал о них поэт:

И мнится, что смоквы, когда видно в них белое
И вместе зеленое среди листвы дерева, –

То румов сыны на вышках грозных дворцов стоят,
Когда опустилась ночь, и настороже они.
А другой сказал и отличился:

Привет наш смоквам, что пришли
На блюде в ровных кучках к нам,
Подобны скатерти они,
Что свёрнута, хоть нет колец.

А другой сказал и отличился:

Насладись же смоквой, прекрасной вкусом, одетою
Дивной прелестью и сближающей внешность с сущностью.
Вкушая их, когда ты их попробуешь,
Ты ромашки запах, вкус сахара почувствуешь
Когда же на подносы высыпают их,
Ты шарам из шелка зеленого уподобишь их.

А как прекрасны стихи кого-то из поэтов:

Сказали они (а любит сердце моё вкушать
Другие плоды, не те, что им так приятны):
«Скажи, почему ты любишь смокву?» И молвил я:
«Один любит смokвы, а другой – сикоморы».

Но ещё лучше слова другого:

Мне нравится смоква лучше всяких других плодов,
Доспеет когда, листвою обвившись блестящей.
Она – как молящийся, а тучи над ним дождят,
И льют своих слез струи, страшатся Аллаха.

И были в этом саду груши – тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов,
росшие купами и отдельно...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сыновья купцов, когда пришли в сад, увидали там плоды, которые мы упомянули, и нашли груши тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов, росшие купами и отдельно, жёлтые и зеленые, ошеломляющие взор. И поэт сказал о них:

Порадуйся же груше ты! Цвет её
Подобен цвету любящих – бледен он.
Сочтёшь её за деву в плаще её,
Лицо своё завесой закрывшую.

И были в этом саду султанские персики разнообразных цветов, жёлтые и красные, как сказал о них поэт:

И кажется, что персики в их саду,
Когда румянцем ярким покроются,
Подобны ядрам золота жёлтого,
Которых кровью алой покрасили.

И был в этом саду зелёный миндаль, очень сладкий, похожий на сердцевину пальмы, а косточка его – под тремя одеждами, творением владыки одаряющего, как сказал поэт:

Одежды есть три на теле нежном и сладостном,
Различен их вид – они владыкой так созданы.
Грозят они смертью телу ночью и каждый день,
Хотя заключённый в них и не совершил греха.

А другой сказал и отличился:

Миндаль ты не видишь разве, коли средь ветвей
Покажет его рука закутавшейся?
Очистив его, мы видим сердце его –
С жемчужиной оно схоже в раковине.

Но ещё лучше сказал другой:

Зелёный как красив миндаль!
Ведь самый меньший руку нам
Наполнит! Волоски на нем –
Как безбородого пушок.
А сердце миндаля найдёшь
И парным и единым ты.
И как жемчужина оно,
Что в изумруд заключена.

А другой сказал и отличился:

Подобного глаза мои не видели
Миндалю красой, как распустятся цветы на нем.
Голова его сединой сверкает блестящею,
Когда вырос он, а пушок его ещё зелен все.

И был в этом саду боярышник разнообразной окраски, купами и отдельно, и сказал о нем кто-то из описывавших такие стихи:

Взгляни на боярышник, на ветках нанизанный,
Чванливо, как абрикос, гордится он на сучках.
И кажется желтизна его смотрящим подобною
Бубенчикам, вылитым из яркого золота.

А другой сказал и отличился:

Вот сидра дерево блещет
Красой иной каждодневно,
И ягоды между листьев,
Когда предстанут пред взором, –
Бубенчики золотые,
Повешенные на ветках.

И были в этом саду померанцы, подобные калгану, и сказал о них поэт, от любви безумевший:

Он красен, в ладонь размером, горд в красоте своей,
Снаружи его огонь, а внутренность – чистый снег,
Но дивным сочту я снег, не тающий близ огня,
И дивным сочту огонь, в котором нет пламени.

А кто-то сказал и отличился:

Вот дерево померанца. Мнится, плоды его,
Предстанут когда они глазам проницательных, –
Ланиты прекрасных жён, убравшихся для красоты
В дни праздника и одетых в платья парчовые.

А другой сказал и отличился:

Скажу – померанцев рощи, веет коль ветерок
И ветви под тяжестью плодов изогнулись,
Подобны щекам, красой блестящим, когда в часы
Привета приблизились к ним щеки другие.

А другой сказал и отличился:

Оленя попросили мы: «Опиши
Ты этот сад и в нем померанцы нам».
И молвил он: «Ваш сад – мой лик, а сорвал

Кто померанец, тот сорвал жар огня».

И были в этом саду лимоны, цветом подобные золоту, и спустились они с высочайшего места и свешиваются на ветвях, подобные слиткам золота, и сказал о них порт, безумно влюблённый:

Не видишь ли рощи ты лимонной, что вся в плодах?
Склонились когда, страшна им гибель грозящая.
И кажется нам, когда пронёсся в них ветерок,
Что ветви нагружены тростями из золота.

«И были в этом саду лимоны с толстой кожей, спускавшиеся с ветвей своих, точно груди девушек, подобных газелям, и был в них предел желания, как сказал о них и отличился поэт:

Прекрасный я увидал лимон средь садов сейчас.
На ветках зелёных, — с девы станом сравню я их.
Когда наклоняет ветер плод, он склоняется,
Как мячик из золота на палке смарагдовой.

И были в этом саду сладкие лимоны с прекрасным запахом, подобные куриным яйцам; и желтизна их — украшение плодов, а запах их несётся к срывающему, как сказал кто-то из описывающих:

Не видишь ли лимон — когда явится,
Влечёт к себе все очи сияньем
И кажется куриным яйцом он нам,
Испачканным рукою в шафране.

И были в этом саду всякие плоды, цветы и зелень и благовонные растения — жасмин, бирючина, перец, лаванда и роза, во всевозможных видах своих, и баранья трава, и мирта, и все цветы полностью, всяких сортов. И это был сад несравненный, и казался он смотрящему уголком райских садов: когда входил в него больной, он выходил оттуда, как ярый лев. И не в силах описать его язык, таковы его чудеса и диковинки, которые найдутся только в райских садах; да и как же нет, если имя его привратника — Ридван! Но все же между этими двумя садами — различие.

И когда дети купцов погуляли по саду, они сели, погуляв и походив, под одним из портиков в саду и посадили Нур-ад-дина посредине портика...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сыновья купцов, когда сели под портиком, посадили Нур-ад-дина посредине портика на ковре из вышитой кожи, и он облокотился на подушку, набитую перьями страусов, верх которой был из беличьего меха, и ему подали веер из перьев страуса, на котором были написаны такие стихи:

Вот веер навевает ароматы,
Подобные духам, в минуту счастья.
Всегда ведёт тот благовонный запах
К лицу того, кто славен, благороден.

А потом юноши сняли бывшие на них тюрбаны и одежды и сели, и начали разговаривать и беседовать, соединяя друг с другом концы слов, и каждый из них вглядывался в Нур-ад-дина и смотрел на красоту его облика. И когда они спокойно просидели некоторое время, приблизился к ним чёрный раб, на голове которого была кожаная скатерть для кушанья, уставленная сосудами из хрусталя, так как один из сыновей купцов наказал перед уходом в сад своим домашним, чтобы они прислали её. И было на этой скатерти то, что бегают, и летает, и плавает в морях, – ката, перепёлки, птенцы голубей и ягнята и наилучшая рыба. И когда эту скатерть положили перед юношами, они подошли к ней и поели вдоволь, и, окончив есть, они поднялись от трапезы и вымыли руки чистой водой и мылом, надушённым мускусом, а потом обсушили руки платками, шитыми шёлком и золотыми нитками. И они подали Нур-ад-дину платок, обшитый каймой червонного золота, и он вытер руки, а потом принесли кофе, и юноши выпили сколько кому требовалось и сели за беседу.

И вдруг садовник того сада ушёл и вернулся с корзинкой, полной роз, и спросил: «Что вы скажете, господа наши, о цветах?» И кто-то из сыновей купцов сказал: «В них нет дурного, особенно в розах, от них не отказываются». – «Да, – ответил садовник, – но у нас в обычае давать розы только за стихи под вино, и тот, кто хочет их взять, пусть скажет какие-нибудь стихи, подходящие к месту». А сыновей купцов было десять человек, и один из них сказал: «Хорошо! Дай мне, и я скажу тебе стихи, подходящие к месту». И садовник дал ему пучок роз, и юноша взял его и произнёс такие стихи:

«Для роз у меня есть место,
Они не наскучат вечно.
Все прочие цветы – войско,
Они же – эмир преславный.
Как нет его, так гордятся,
Но явится – и смирятся».

Потом садовник подал пучок роз второму, и тот взял его и произнёс такое двестишье:

«Вот тебе роза, о мой господин,
Мускус напомнит дыханье её.
То дева – влюблённый её увидал,
И быстро закрылась она рукавом».

И потом садовник подал пучок роз третьему, и тот взял его и произнёс такое двестишье:

«Прекрасные розы! Сердце счастливо, видя их,
А запах напомнит нам о недде хорошем.
И обняли ветки их с восторгом своей листвою,
И словно целуют их уста неразлучно».

Потом садовник подал пучок роз четвёртому, и тот взял его и произнёс такое двустиише:

«Не видишь ли роз куста, в котором явились нам
Столь дивные чудеса, на ветках висящие?
Они – как бы яхонты, везде окружённые
Кольцом изумрудов, с ярким золотом смешанных».

Потом садовник подал пучок роз пятому, и тот взял его и произнёс такое двустиише:

«Изумруда ветви плоды несут, и видимы
Плоды на них, как слитки золотые.
И как будто капли, что падают с листвы ветвей, –
То слезы томных глаз, когда заплачут».

Потом садовник подал пучок роз шестому, и тот взял его и произнёс такое двустиише:

«О роза-все дивные красоты в ней собраны,
И в ней заключил Аллах тончайшие тайны.
Подобна она щекам возлюбленного, когда
Отметил их любящий при встрече динаром».

Потом садовник подал пучок роз седьмому, и тот взял его и произнёс такое двустиише:

«Вопрошал я: «Чего ты колешься, роза?
Кто коснётся шипов твоих, тут же ранен».
Отвечала: «Цветов ряды – моё войско,
Я султан их и бьюсь шипом, как оружием».

Потом садовник подал пучок роз восьмому, и тот взял его и произнёс такое двустиише:

«Аллах, храни розу, что стала желта,
Прекрасна, цветиста и злато напомнит,
И ветви храни, что родили её
И нам принесли её жёлтые солнца».

Потом садовник подал пучок роз девятому, и тот взял его и произнёс такое двустиише:

«Жёлтых роз кусты – влечёт всегда прелесть их
К сердцу любящих ликование и радости.
Диво дивное этот малый кустик – напоён он
Серебром текучим, и золото принёс он нам».

Потом садовник подал пучок роз десятому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Ты видишь ли, как войско роз гордится
И жёлтыми и красными цветами?
Для розы и шипов найду сравнение:
То щит золотой, и в нем смарагда стрелы».

И когда розы оказались в руках юношей, садовник принёс скатерть для вина и поставил между ними фарфоровую миску, расписанную ярким золотом, и произнёс такие два стиха:

«Возвещает заря нам свет, напои же
Вином старым, что делает неразумным,
Я не знаю – прозрачна так эта влага, –
В чаше ль вижу её, иль чашу в ней вижу».

Потом садовник этого сада наполнил и выпил, и черёд сменялся, пока не дошёл до Нур-ад-дина, сына купца Тадж-ад-дина. И садовник наполнил чашу и подал её Нур-ад-дину, и тот сказал: «Ты знаешь, что это вещь, которой я не знаю, и я никогда не пил этого, так как в нем великое прегрешение и запретил его в своей книге всевластный владыка». – «О господин мой Нур-ад-дин, – сказал садовник сада, – если ты не стал пить вино только из-за прегрешения, то ведь Аллах (слава ему и величие!) великодушен, кроток, всепрощающ и милостив и прощает великий грех. Его милость вмещает все, и да помилует Аллах кого-то из поэтов, который сказал:

Каким хочешь будь – Аллах поистине милостив,
И коль согрешишь, с тобой не будет дурного.
Лишь два есть греха, и к ним вовек ты не подходи;
Приданье товарищей¹ и к людям жестокость».

А потом один из сыновей купцов сказал: «Заклинаю тебя жизнью, о господин мой Нур-ад-дин, выпей этот кубок!» И подошёл другой юноша и стал заклинать его разводом, и другой встал перед ним на ноги, и Нур-ад-дин застыдился и взял у садовника кубок и отпил из него глоток, но выплюнул его и воскликнул: «Оно горькое!» И садовник сказал ему: «О господин мой Нур-ад-дин, не будь оно горьким, в нем не было бы этих полезных свойств. Разве ты не знаешь, что все сладкое, что едят для лечения, кажется вкушающему горьким, а в этом вине – многие полезные свойства и в числе их то, что оно переваривает пищу, прогоняет огорчение и заботу, прекращает ветры, просветляет кровь, очищает цвет лица и оживляет тело. Оно делает труса храбрым и усиливает решимость человека к совокуплению, и если бы мы упомянули все его полезные свойства, изложение, право, бы Затянулось. А кто-то из поэтов сказал:

Я пил и прощением Аллаха был окружён,
Недуги свои лечил я, чашу держа у губ.
Смутили меня – я знал греховность вина давно –
Аллаха слова, что в нем полезное для людей».

¹ То есть «придание товарищей» богу – многобожие.

Потом садовник, в тот же час и минуту, поднялся на ноги и, открыв одну из кладовых под этим портиком, вынул оттуда голову очищенного сахара и, отломив от неё большой кусок, положил его в кубок Нур-ад-дина и сказал: «О господин мой, если ты боишься пить вино из-за горечи, выпей его сейчас, – оно стало сладким». И Нур-ад-дин взял кубок и выпил его, а потом чашу наполнил один из детей купцов и сказал: «О господин мой Нур-ад-дин, я твой раб!» И другой тоже сказал: «Я один из твоих слуг». И поднялся третий и сказал: «Ради моего сердца!» И поднялся ещё один и сказал: «Ради Аллаха, о господин мой Нур-ад-дин, залечи моё сердце». И все десять сыновей купцов не отставали от Нур-ад-дина, пока не заставили его выпить десять кубков – каждый по кубку.

А нутро у Нур-ад-дина было девственное – он никогда не пил вина раньше этого часа – и вино закружилось у него в мозгу, и опьянение его усилилось. И он поднялся на ноги (а язык его отяжелел, и речь его стала непонятной) и воскликнул: «О люди, клянусь Аллахом, вы прекрасны и ваши слова прекрасны, и это место прекрасно, но только в нем недостаёт хорошей музыки. Ведь сказал об этом поэт такие два стиха:

Пусти его вкруг в большой и малой чаше,
Бери его из рук луны лучистой.
Не пей же ты без музыки – я видел,
Что даже конь не может пить без свиста».

И тогда поднялся юноша, хозяин сада, и, сев на мула из мулов детей купцов, скрылся куда-то и вернулся. И с ним была каирская девушка, подобная свежему курдюку, или чистому серебру, или динару в фарфоровой миске, или газели в пустыне, и лицо её смущало сияющее солнце: с чарующими глазами, бровями, как изогнутый лук, розовыми щеками, жемчужными зубами, сахарными устами и томными очами; с грудью, как слоновая кость, втянутым животом со свитыми складками, ягодницами, как набитые подушки, и бёдрами, как сирийские таблицы, а между ними была вещь, подобная кошельку, завернутому в кусок полотна. И поэт сказал о ней такие стихи:

И если б она явилась вдруг многобожникам,
Сочли бы её лицо владыкой, не идолом.
А если монаху на востоке явилась бы,
Оставил бы он восток, пошёл бы на запад он.
А если бы в море вдруг солёное плюнула,
То стала б вода морская от слюны сладкою.

А другой сказал такие стихи:

Прекраснее месяца, глаза насурьмив, она,
Как лань, что поймала львят, расставивши сети,
Её осенила ночь в прекрасных кудрях её
Палаткою из волос, без колец стоящей.
На розах щеки её огонь разжигается
Душою расплавленной влюблённых и сердцем,
Когда бы красавицы времён её видели,
То встали б и крикнули: «Пришедшая лучше!»

А как прекрасны слова кого-то из поэтов:

Три вещи мешают посетить нас красавице –
Страшны соглядатаи и злые завистники:
Сияние лба её, её украшений звон
И амбры прекрасной залах в складках одежд её.
Допустим, что лоб закрыть она б рукавом могла
И снять украшения, но как же ей с потом быть?

И эта девушка была подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь,
и было на ней синее платье и зеленое покрывало над блистающим лбом, и ошеломляла она
умы и смущала обладателей разума...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что садовник того сада привёл юношам девушку, о которой мы говорили, что она до предела красива, прелестна, стройна станом и соразмерна, и как будто о ней хотел сказать поэт:

Вот явилась в плаще она голубом к нам,
Он лазурным, как неба цвет, мне казался.
И, всмотревшись, увидел я в той же одежде
Месяц летний, сияющий зимней ночью.
А как прекрасны и превосходны слова другого:

Плащом закрывшись, пришла она. Я сказал: «Открой
Нам лицо твоё, светоносный месяц, блестящее».
Она молвила: «Я боюсь позора!» Сказал я: «Брось!
Переменами дней изменчивых не смущайся ты!»
Красоты покров подняла она с ланит своих,
И хрусталь закапал на яхонты горящие.
И решил коснуться устами я щеки её,
Чтоб тягаться с ней в день собрания мне не выпало
И чтоб первыми среди любящих оказались мы,
Кто на суд пришёл в воскресенья день к богу вышнему.
И тогда скажу я: «Продли расчёт и заставь стоять
Ты подольше нас, чтоб продлился взгляд на любимую!»

И юноша-садовник сказал девушке: «Знай, о владычица красавиц и всех блистающих звёзд, что мы пожевали твоего прихода в это место только для того, чтобы ты развлекала этого юношу, прекрасного чертами, господина моего Нур-ад-дина. И он не приходил к нам в это место раньше сегодняшнего дня». – «О, если бы ты мне сказал об этом раньше, чтобы я принесла то, что у меня есть!» – воскликнула девушка. «О госпожа, я схожу и принесу тебе это», – сказал садовник. И девушка молвила: «Делай как тебе вздумалось!» – «Дай мне что-нибудь, как знак», – сказал садовник. И девушка дала ему платок.

И тогда садовник быстро ушёл и отсутствовал некоторое время, а потом вернулся, неся зелёный мешок из гладкого шелка, с двумя золотыми подвесками. И девушка взяла мешок у садовника и развязала его и вытряхнула, и из него выпало тридцать два кусочка дерева, и девушка стала вкладывать кусочки один в другой, мужские в женские и женские в мужские, и, обнажив кисти рук, поставила дерево прямо, и превратилось оно в лютню, полированную, натёртую, изделие индийцев. И девушка склонилась над ней, как мать склоняется над ребёнком, и пощекотала её пальцами руки, и лютня застонала, и зазвенела, и затосковала по прежним местам, и вспомнила она виды, что напоили её, и землю, на которой она выросла и воспиталась. И вспомнила она плотников, которые её вырубili, и лакировщиков, что покрыли её лаком, и купцов, которые её доставили, и корабли, что везли её, и возвысила голос, и закричала, и стала рыдать, и запричитала, и казалось, что девушка спросила её об этом, и она ответила языком обстоятельств, произнося такие стихи:

«Была прежде деревом, пристанищем соловьёв,
И ветви я с ними наклоняла свои в тоске.

Они на мне плакали, я плач их переняла,
И тайну мою тот плач теперь сделал явною.
Безвинно меня свалил на землю рубящий лес,
И сделал меня он лютней стройной, как видите.
Но только удар о струны пальцев вещает всем,
Что страстию я убита, ею пытаема.
И знай, из-за этого все гости застольные,
Услышав мой плач, пьянеют, в страсти безумствуют.
И вышний владыка их сердца умягчил ко мне,
И стали на высшие места возвышать меня,
Мой стан обнимает та, кто выше других красой,
Газель черноглазая с истомными взорами.
И пусть Аллах бдительный нас с нею не разлучит,
И пусть не живёт влюблённый, милых бросающий».

И потом девушка немного помолчала, и положила лютню на колени, и склонилась над ней, как мать склоняется над ребёнком. И потом она ударила по струнам на много ладов, и вернулась к первому ладу, и произнесла такие стихи:

«О, если б влюблённого, свернув, посетили,
То тяжесть с него любви они бы сложили.
И вот соловей в кустах с ним перекликается,
Как будто влюблённый он, а милый далеко.
Проснись же и встань – ведь ночь сближения лунная,
И мнится, в миг близости сияют нам зори,
Сегодня завистники небрежны, забыв о нас,
И струны к уладам нас с тобой призывают.
Не видишь ты, для любви здесь четверо собраны:
То роза и мирты цвет, гвоздика и ландыш.
Сегодня для радости собрались здесь четверо:
Влюблённый, прекрасный друг, динар и напиток.
Бери же ты счастье в жизни-радости ведь её
Исчезнут; останутся лишь слухи и вести».

И Нур-ад-дин, услышав от девушки эти стихи, посмотрел на неё оком любви и едва мог владеть своей душой от великой к ней склонности, и она тоже, так как она посмотрела на всех собравшихся сыновей купцов и на Нурад-дина и увидела, что он среди них – как луна среди звёзд, ибо он был мягок в словах, и изнежен, и совершенен по стройности, соразмерности, блеску и красоте – нежнее ветерка и мягче Таснима, и о нем сказаны такие стихи:

Поклянусь щекою и уст улыбкой прекрасных я,
И стрелами глаз, колдовством его оперёнными,
Нежной гибкостью и стрелою взоров клянусь его,
Белизной чела, чернотой волос поклянусь я,
И бровями, что прогоняют сон от очей моих,
И со мной жестоки в запретах и в повелениях;
Скорпионами, что с виска ползут, поклянусь его,
И спешат убить они любящих, разлучая с ним;
Розой щёк его и пушка я миртой клянусь вам,

И кораллом уст и жемчугом зубов его,
Стройной ветвью стана, плоды принёсшей прекрасные.
То гранат, взрастивший плоды свои на груди его.
Поклянусь я задом, дрожащим так, коль он движется,
Иль покоен он, и тонкостью боков его;
И одежды шёлком, и лёгким нравом клянусь его,
И всей красой, которой обладает он.
Веет мускусом от его дыханья прекраснейшим,
Благовонье ветра напоено ароматом тем,
И также солнце светящее не сравнится с ним,
И луна обрезком ногтей его нам кажется...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нур-ад-дин услышал слова этой девушки и её стихи, ему понравилась их стройность (а он уже склонился от опьянения), и он начал восхвалять её, говоря:

«Лютнистка наклонилась к нам
Охмелела вдруг от вина она, –
И струны молвили её:
«Нам речь внушил Аллах, и он...»

И когда Нур-ад-дин проговорил эти слова и сказал свои нанизанные стихи, девушка посмотрела на него оком любви, и увеличилась её любовь и страсть к нему. Она удивилась его красоте, прелести, тонкости его стана и соразмерности и, не владея собой, ещё раз обняла лютню и произнесла такие стихи:

«Бранит он меня, когда на него смотрю я,
Бежит от меня, а дух мой в руках он «держит.
Он гонит меня, но что со мной-он знает,
Как будто Аллах поведал ему об этом.
Я лик его в ладони начертала
И взору: «Утешайся им!» – сказала:
Мой глаз ему замены не увидит,
И сердце мне не даст пред ним терпенья.
О сердце, из груди тебя я вырву!
Ведь ты завидуешь, как и другие!
И как скажу я сердцу: «О, утешься!»
К нему лишь одному стремится сердце».

А когда девушка произнесла эти стихи, Нур-ад-дин удивился красоте её стихотворения, красноречию её слов, нежности её выговора и ясности её языка, и ум его улетел от сильной страсти, тоски и любовного безумия. Он не мог терпеть без неё ни минуты и, наклонившись к ней, прижал её к груди, и она тоже бросилась к нему и вся оказалась близ него. Она поцеловала его между глаз, а он поцеловал её в уста, сжав сначала её стан, и начал играть с нею, целуясь, как клюются голубки. И девушка повернулась к нему и стала делать с ним то же, что он делал с нею, и присутствующие обезумели и поднялись на ноги, и Нур-ад-дин застыдился и снял с неё руку. А потом девушка взяла лютню и, ударив по струнам на много ладов, вернулась к первому ладу и произнесла такие стихи:

«Вот луна, что меч обнажает век, когда сердится,
А смотря, она над газелями издевается.
Вот владыка мой, чьи прелести – войска его,
И в сражении нам копье напомним стан его.
Коль была бы нежность боков его в душе его,
Не обидел бы он влюблённого, не греюил бы он.
О жестокость сердца и бока нежность! Не можете ль
Поменяться местом-туда оттуда сдвинуться?
О хулитель мой, за любовь к нему будь прощающим!

Ведь тебе остаться с красой его, и погибнуть-мне!»

И Нур-ад-дин, услышав слова девушки и её дивно нанизанные стихи, наклонился к ней в восторге, и он не владел умом от сильного удивления. А потом он произнёс такие стихи:

«За солнце её я счёл-она мне привиделась,
Пожар её пламени пылает в душе моей.
Что стоит ей знак подать нам иль нас приветствовать
Концами прекрасных пальцев и головой кивнуть?
Увидел он лик её блестящий, и молвил он,
Смущённый красой её, что выше красы самой:
«Не это ли та, в кого влюблён так безумно ты?
Поистине, ты прощён!» И молвил я: «Это та,
Что бросила стрелы глаз в меня и не сжалилась
Над тем, как унижен я, и сломлен, и одинок».
И сделался я души лишённым, и я влюблён,
Рыдаю и плачу я весь день и всю ночь теперь».

И когда Нур-ад-дин окончил свои стихи, девушка удивилась его красноречию и тонкости и, взяв лютню, ударила по ней самыми лучшими движениями и снова перебрала все напевы, а потом она произнесла такие стихи:

«Твоего лица поклянусь я жизнью, о жизнь души, —
Я тебя не брошу, лишусь надежды или не лишусь!
Коль суров ты будешь, то призрак твой со мной сблизится,
А уйдёшь когда, развлечёт меня о тебе мечта.
О очей моих избегающий! Ведь знаешь ты,
Что не кто иной, лишь любовь к тебе, теперь мне друг,
Твои щеки – розы, слюна твоя – вина струя,
Не захочешь ли подарить мне их здесь в собрании?»

Нур-ад-дин пришёл от декламации девушки в величайший восторг и удивился ей величайшим удивлением, а потом он ответил на её стихи такими стихами:

«Едва показала лик мне солнца она в ночи,
Как скрылся сейчас же полный месяц на небесах,
Едва лишь явила утра оку чело своё,
Сейчас же заря стала быстро бледнеть.
Заимствуй у токов слез моих непрерывность их,
Предание о любви ближайшим путём веда.
Нередко говаривал я той, что разит стрелой:
«Потише со стрелами – ведь в страхе душа моя».
И если потоки слез моих я произведу
От Нила, то страсть твоя исходит из Малака
Сказала: «Все деньги дай!» Ответил я ей: «Бери!»
Сказала: «И сон твой также!» Я ей: «Возьми из глаз!»

И когда девушка слышала слова Нур-ад-дина и его прекрасное изъяснение, её сердце улетело, и ум её был ошеломлён, и юноша завладел всем её сердцем. И она прижала его

к груди и начала целовать его поцелуями, подобными клеванью голубков, и юноша тоже отвечал ей непрерывными поцелуями, но преимущество принадлежит начавшему прежде. А кончив целовать Нур-ад-дина» девушка взяла лютню и произнесла такие стихи:

«Горе, горе мне от упрёков вечных хулителя!
На него ль другим, иль ему на горе мне сетовать?
О покинувший! Я не думала, что придётся мне
Унижения выносить в любви, коль ты стал моим.
Ты жестоким был с одержимым страстью в любви его,
И открыла я всем хулителям, как унизилась.
Ведь вчера ещё порицала я за любовь к тебе,
А сегодня всех, кто испытан страстью, прощаю я.
И постигнет если беда меня от тебя вдали,
То, зовя Аллаха, тебя я кликну, о Али!»

А окончив своё стихотворение, девушка произнесла ещё такие два стиха:

«Влюблённые сказали: «Коль не даст он нам
Своей слюны напиться влагой сладостной,
Мы миров владыке помолимся», – ответит он»
И все о нем мы скажем вместе: «О Али!»

И Нур-ад-дин, услышав от этой девушки такие слова и нанизанные стихи, удивился красноречию её языка и поблагодарил её за изящество и разнообразие её речей, а девушка, когда услышала похвалы Нур-ад-дина, поднялась в тот же час и минуту на ноги и сняла с себя бывшие на ней одежды и украшения и, обнажившись от всего этого, села Нур-ад-дину на колени и стала целовать его между глаз и целовать родинки на его щеках. Она подарила ему все, что было на ней...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка подарила Нур-ад-дину все, что на ней было, и сказала: «Знай, о возлюбленный моего сердца, что подарок – по сану дарящего». И Нур-ад-дин принял от неё это и затем возвратил ей подарок обратно и стал её целовать в рот, щеки и в глаза, а когда это окончилось (вечен только живой, самосуший, наделяющий и павлина и сову!), Нур-ад-дин поднялся от своего места и встал на ноги, и девушка спросила его: «Куда, о мой господин?» – «В дом моего отца», – ответил Нур-ад-дин. И сыновья купцов стали заклинать его, чтобы он спал у них, но Нур-ад-дин отказался и, сев на своего мула, поехал и ехал до тех пор, пока не достиг дома своего отца.

И его мать поднялась для него и сказала: «О дитя моё, какова причина твоего отсутствия до этого времени? Клянусь Аллахом, ты расстроил меня и твоего отца своим отсутствием, и наше сердце было занято тобою!» И затем его мать подошла к нему, чтобы поцеловать его в рот, и почувствовала запах вина и воскликнула: «О дитя моё, как это, после молитвы и набожности, ты стал пить вино и ослушался того, в чьих руках творение и повеленье!» «И когда они разговаривали, вдруг пришёл его отец, и Нур-ад-дин бросился на постель и лёг. «Что это такое с Нур-ад-дином?» – спросил его отец. И мать его сказала: «У него как будто заболела голова от воздуха в саду». И тогда отец Нур-ад-дина подошёл к нему, чтобы спросить, что у него болит и поздороваться с ним, и почувствовал от него запах вина. А этот купец, по имени Таджад-дин, не любил тех, кто пьёт вино, и он сказал своему сыну: «Горе тебе, о дитя моё, разве твоя глупость дошла до того, что ты пьёшь вино!» И, услышав слова своего отца, Нур-ад-дин поднял руку, будучи пьян, и ударил его, и, по предопределённому велению, удар пришёлся в правый глаз его отца, и он вытек ему на щеку, и отец Нурад-дина упал на землю, покрытый беспамятством, и пролежал без чувств некоторое время. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся от обморока и хотел побить Нур-ад-дина, но его мать удержала его. И Тадж-ад-дин поклялся разводом с его матерью, что, когда настанет утро, Нур-ад-дину обязательно отрубят правую руку.

И когда мать Нур-ад-дина услышала слова его отца, её грудь стеснилась, и она испугалась за сына. Она до тех пор уговаривала его отца и успокаивала его сердце, пока Таджад-дина не одолел сон, и, подождав, пока взошла луна, она подошла к своему сыну (а его опьянение уже прошло) и сказала ему: «О Нур-ад-дин, что это за скверное дело ты сделал с твоим отцом?» – «А что я сделал с моим отцом?» – спросил Нур-ад-дин. И его мать сказала: «Ты ударил его рукой по правому глазу, и он вытек ему на щеку, и твой отец поклялся разводом, что, когда настанет утро, он обязательно отрубит тебе правую руку». И Нур-ад-дин стал раскаиваться в том, что из-за него произошло, когда не было ему от раскаянья пользы, и его мать сказала: «О дитя моё, это раскаянье тебе не поможет, и тебе следует сейчас же встать и бежать, ища спасения твоей души. Скрывайся, когда будешь выходить, пока не дойдёшь до кого-нибудь из твоих друзей, а там подожди и посмотри, что сделает Аллах. Он ведь изменяет одни обстоятельства за другими».

И потом мать Нур-ад-дина отперла сундук с деньгами и, вынув оттуда мешок, в котором было сто динаров, сказала сыну: «О дитя моё, возьми эти динары и помогай себе ими в том, что для тебя полезно, а когда они у тебя выйдут, о дитя моё, пришли письмо и уведоми меня, чтобы я прислала тебе другие. И когда будешь присылать мне письма, присылай сведения о себе тайно: может быть, Аллах определит тебе облегчение, и ты вернёшься в свой дом». И потом она простилась с Нур-ад-дином и заплакала сильным плачем, больше которого нет, а Нур-ад-дин взял у матери мешок с динарами и хотел уходить. И он увидел большой мешок, который его мать забыла возле сундука (а в нем была тысяча динаров), и взял

его, и, привязав оба мешка к поясу, вышел из своего переулкa. И он направился в сторону Булака, раньше чем взошла заря.

И когда наступило утро и люди поднялись, объявляя единым Аллаха, владыку открывающего, и все вышли туда, куда направлялись, чтобы раздобыть то, что уделил им Аллах, Нур-ад-дин уже достиг Булака. И он стал ходить по берегу реки и увидел корабль, с которого были спущены мостки, и люди спускались и поднимались по ним, а якорей у корабля было четыре, и они были вбиты в землю. И Нур-ад-дин увидел стоявших матросов и спросил их: «Куда вы едете?» – «В город Искандарию», – ответили матросы. «Возьмите меня с собой», – сказал Нур-ад-дин. И матросы ответили: «Приют, уют и простор тебе, о юноша, о красавец!» И тогда Нур-ад-дин в тот же час и минуту поднялся и пошёл на рынок и купил то, что ему было нужно из припасов, ковров и покрывал, и вернулся на корабль, а корабль был уже снаряжён к отплытию.

И когда Нур-ад-дин взошёл на корабль, корабль простоял с ним лишь недолго и в тот же час и минуту поплыл, и этот корабль плыл до тех пор, пока не достиг города Рушейда. И когда туда прибыли, Нур-ад-дин увидел маленькую лодку, которая шла в Искандарию, и сел в неё и, пересекши пролив, ехал до тех пор, пока не достиг моста, называемого мост Джамии. И Нур-ад-дин вышел из лодки и вошёл через ворота, называемые Ворота Лотоса, и Аллах оказал ему покровительство, и не увидел его никто из стоявших у ворот. И Нур-ад-дин шёл до тех пор, пока не вошёл в город Искандарию...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин вошёл в город Искандарию и увидел, что это город с крепкими стенами и прекрасными местами для прогулок. И он услаждает обитателей и внушает желание в нем поселиться, и ушло от него время зимы с её холодом, и пришло время весны с её розами; цветы в городе расцвели, деревья покрылись листьями, плоды в нем дозрели и каналы стали полноводны. И это город, прекрасно построенный и расположенный, и жители его – солдаты из лучших людей. Когда запираются его ворота, обитатели его в безопасности, и о нем сказаны такие стихи:

Сказал однажды я другу,
Чьи речи красноречивы:
«Искандарию опишешь?»
Он молвил: «Дивная крепость!»
Спросил я: «Прожить в ней можно ль?»
Он молвил: «Коль дует ветер»,
И сказал кто-то из поэтов:
Искандария – вот крепость,
Где воды так нежны вкусом.

Прекрасна в ней близость милых, Коль вороны не напали, И Нур-ад-дин пошёл по этому городу и шёл до тех пор, пока не пришёл на рынок столяров, а потом пошёл на рынок мянел, потом – на рынок торговцев сухими плодами, потом – на рынок фруктошников, потом – на рынок москательщиков, и он все дивился этому городу, ибо качества его соответствовали его имени.

И когда он шёл по рынку москательщиков, вдруг один человек, старый годами, вышел из своей лавки и, пожелав Нур-ад-дину мира, взял его за руку и пошёл с ним в своё жилище. И Нур-ад-дин увидал красивый переулок, подметённый и политый, и веял в нем ветер, и был приятен, и осеняли его листья деревьев. В этом переулке было три дома, и в начале его стоял дом, устои которого утвердились в воде, а стены возвысились до облаков небесных, и подмели двор перед этим домом, и полили его, и вдыхали запах цветов те, кто подходил к нему, и встречал их ветерок, точно из садов блаженства, и начало этого переулка было выметено и полито, а конец – выложен мрамором.

И старец вошёл с Нур-ад-дином в этот дом и предложил ему кое-чего съестного, и они стали есть, и когда Нур-ад-дин покончил с едой, старец спросил его: «Когда было прибытие из города Каира в этот город?» – «О батюшка, сегодня ночью», – ответил Нур-ад-дин. «Как твоё имя?» – спросил старец. И Нур-ад-дин ответил: «Али Нурад-дин». И тогда старец воскликнул: «О дитя моё, о Нурад-дин, тройной развод для меня обязателен! Пока ты Оудешь находиться в этом городе, не расставайся со мной, и я отведу тебе помещение, в котором ты будешь жить». – «О господин мой шейх, увеличь моё знакомство с тобой», – сказал Нур-ад-дин. И старец молвил: «О дитя моё, знай, что я в каком-то году пришёл в Каир с товарами и продал их там и купил других товаров. И мне понадобилась тысяча динаров и их отвесил за меня твой отец Тадж-ад-дин, не зная меня, и он не написал о них свидетельства, и ждал этих денег, пока я не вернулся в этот город и не отослал их ему с одним из моих слуг, и с ними подарок. Я видел тебя, когда ты был маленький, и если захочет великий Аллах, я отчасти воздам тебе за то, что твой отец для меня сделал».

И когда Нур-ад-дин услышал эти слова, он проявил радость и улыбнулся и, вынув мешок, в котором была тысяча динаров, подал его старику и сказал: «Возьми их к себе на хранение, пока я не куплю на них каких-нибудь товаров, чтобы торговать ими».

И потом Нур-ад-дин провёл в городе Искандарии несколько дней, и он каждый день гулял по какой-нибудь улице, ел, пил, наслаждался и веселился, пока не вышла сотня динаров, которую он имел при себе на расходы. И он пошёл к старику москательщику, чтобы взять у него сколько-нибудь из тысячи динаров и истратить их, и не нашёл его в лавке, и тогда он сел в лавке, ожидая, пока старик вернётся. И он начал смотреть на купцов и поглядывал направо и налево.

И когда он так сидел, вдруг приехал на рынок персиянин, который сидел верхом на муле, а сзади него сидела девушка, похожая на чистое серебро, или на палтус в водоёме, или на газель в пустыне. Её лицо смущало сияющее солнце, и глаза её чаровали, а грудь походила на слоновую кость; у неё были жемчужные зубы, втянутый живот и ноги, как концы курдюка, и была она совершенна по красоте, прелести, тонкости стана и соразмерности, как сказал о ней кто-то:

И будто сотворена она, как желал бы ты, —
В сиянье красы-не длинной и не короткою.
Краснеет в смущенье роза из-за щеки её,
И ветви смущает стан с плодами расцветшими.
Как месяц, лицо её, как мускус, дыхание,
Как ветвь, её стан, и нет ей равной среди людей.
И кажется, вымыта жемчужной водой она,
И в каждом из её членов блещет луна красы.

И персиянин сошёл с мула и свёл на землю девушку, а потом он кликнул посредника и, когда тот предстал перед ним, сказал ему: «Возьми эту девушку и покричи о ней на рынке». И посредник взял девушку и вывел её на середину рынка. Он скрылся на некоторое время и вернулся, неся скамеечку из чёрного дерева, украшенную белой слоновой костью, и поставил скамеечку на землю, и посадил на неё девушку, а потом он поднял покрывало с её лица, и явилось из-под него лицо, подобное дейлемскому щиту или яркой звезде, и была эта девушка подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и обладала пределом блестящей красоты, как сказал о ней поэт:

Соперничал с ней красою месяц по глупости
Пристыженный он ушёл, от гнева расколотый.
А дерево бана, коль со станом сравнять её,
Пусть руки погибнут той, кто будет дрова носить!
А как хороши слова поэта:

Скажи прекрасной в покрывале с золотом:
«Что ты сделала с мужем праведным и набожным?»
Покрывала блеск и лица сиянье, им скрытого,
Обратили в бегство войска ночей своей яркостью.
И пришёл когда мой неслышно взор, чтобы взгляд украсть,
Метнули стражи ланит её звездой в него.

И посредник спросил купцов: «Сколько вы дадите за жемчужину водолаза и за газель, ускользнувшую от ловца?» И один из купцов сказал: «Она моя за сто динаров!» А другой

сказал: «За двести динаров». А третий сказал: «За триста динаров». И купцы до тех пор пабавляли цену за эту девушку, пока не довели её до девятисот и пятидесяти, и продажа задерживалась только из-за предложения и согласия...»²

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

² По мусульманскому закону торговая сделка считается совершившейся лишь в том случае, если продавец и покупатель в присутствии свидетелей словесно выразили намерение – первый продать товар, а второй – купить его. Сговорившись с покупателем о цене, продавец говорит: «Я продал тебе», после чего он уже не может отказаться от продажи и обязан уступить вещь за предложенную цену.

Восемьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купцы набавляли за девушку, пока её цена не дошла до девятисот пятидесяти динаров.

И тогда посредник подошёл к персиянину, её господину, и сказал ему: «Цена за твою невольницу дошла до девятисот пятидесяти динаров. Продашь ли ты её, а мы получим для тебя деньги?» – «А девушка согласна на это?» – спросил персиянин. – Мне хочется её уважить, так как я заболел во время этого путешествия, и девушка прислуживала мне наилучшим образом. Я поклялся, что продам её лишь тому, кому она захочет и пожелает, и оставлю её продажу в её руках. Спроси же её, и если она скажет: «Согласна», продай её кому она пожелает, а если скажет: «Нет», не продавай.

И посредник подошёл к девушке и сказал: «О влады» чица красавиц, знай, что твой господин оставил дело продажи в твоих руках, а цена за тебя дошла до девятисот пятидесяти динаров; позволишь ли ты мне тебя продать?» – «Покажи мне того, кто хочет меня купить, прежде чем заключать сделку», – сказала девушка посреднику. И тот подвёл её к одному из купцов, и был это старик, престарелый и дряхлый.

И девушка смотрела на него некоторое время, а потом обернулась к посреднику и сказала: «О посредник, что ты – бесноватый или твой разум поражён?» – «Почему, о владычица красавиц, ты говоришь мне такие слова?» – спросил посредник. И девушка воскликнула: «Разве дозволяет тебе Аллах продать меня этому дряхлому старику, о жене которого сказаны такие стихи:

Она говорит, сердясь в изнеженности своей
(А раньше звала меня к тому, что не вышло):
«Не можешь когда сойтись со мною, как муж с женой,
Тогда не брани меня, коль станешь рогатым.
И кажется мне твой айр по мягкости восковым,
И как я ни тру его рукою, он гнётся».
И сказано ещё об его айре:

Спит мой айр (как презрен он и несчастен!)
Всякий раз как сойтись хочу я с любимым.
А когда я один сижу в моем доме,
Ищет айр мой сражения, ищет боя.
И сказано ещё об этом айре:

Мой айр – нехороший, он очень жесток,
И мирно встречает он чтящих его.
Как сплю, он встаёт, а как встану, он спит.
Аллах, не помилуй того, кто с ним добр!»

И когда старшина купцов услышал от девушки эту безобразную насмешку, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привёл к нам на рынок злосчастную невольницу, которая дерзит мне и высмеивает меня среди купцов!» И тогда посредник взял девушку, и ушёл от него, и сказал девушке: «О госпожа, не будь невежливой: старик, которого ты высмеяла, – старшина рынка

и надсмотрщик за ценами³, и купцы советуются с ним». И девушка засмеялась и произнесла такие стихи:

«Всем судьям в век наш следует истинно –
И это судьям всем обязательно –
Повесить вали на воротах его
И плёткою надсмотрщика выпороть».

И потом девушка сказала посреднику: «Клянусь Аллахом, я не буду продана этому старику, продавай меня другому! Может быть, ему сделается передо мной стыдно, и он продаст меня ещё кому-нибудь, и я стану работницей, а мне не подобает мучить себя работой, раз я узнала, что решать с моей продажей предоставлено мне». И посредник ответил ей: «Слушаю и повинуюсь!» И он пошёл с нею к одному человеку из больших купцов и, дойдя до этого человека, сказал ей: «О госпожа, продать мне тебя этому моему господину, Шериф-ад-дину, за девятьсот пятьдесят динаров?»

И девушка посмотрела на него и увидела, что это старик, но борода у него крашеная, и сказала посреднику: «Бесноватый ты, что ли, или твой разум повреждён, что ты продаёшь меня этому умирающему старику? Что я – очёсок пакли или обрывок лохмотьев, что ты водишь меня от одного старика к другому, и оба они подобны стене, грозящей свалиться, или ифриту, сражённому падающей звездой. Что касается первого, то язык обстоятельств говорит словами того, кто сказал:

Хотел я поцеловать в уста, но промолвила:
«О нет, я клянусь творцом всех тварей из ничего,
Охоты у меня нет до белых твоих седин».
Ужели при жизни мне набьют уже хлопком рот?
А как прекрасны слова поэта:

Сказали: «Белизна волос – блестящий свет,
Величием и блеском лик покроет»,
Но вот покрыла седина мне голову,
И я хотел бы не лишиться мрака.
И когда б была борода седого страницю
Грехов его, все ж он белой бы не выбрал.

Но ещё лучше слова другого:

Вот гость к голове моей явился – бесстыдный гость,
И лучше меча поступки, если он явится.
Уйди, с белизной твоей, в которой нет белизны,
Ты чёрен в глазах моих от многих твоих обид!

А что до другого, то он человек порочный и сомнительный и чернит лик седины. Покрасив седину, он совершил сквернейшее преступление, и сказал о нем язык его обстоятельств такие стихи:

³ Надсмотрщик за ценами (по-арабски – «мухтасиб») должен был следить за соблюдением законов ислама в торговой и общественной жизни.

Сказала: «Ты седину покрасил!» Ответил я:
«Её от тебя хотел я скрыть, о мой слух и взор!»
Она засмеялась и сказала: «Вот диво то!
Подделка умножилась, проникла и в волосы».

А как хороши слова поэта:

О ты, что красишь чёрным седину свою,
Чтобы молодость тебе вновь досталась на долгий срок,
Покрась ты их лишь раз моею участью –
Ручаюсь я, что краска не сойдёт, тебе».

И когда старик, выкрасивший себе бороду, услышал от девушки такие слова, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привёл сегодня к нам на рынок глупую невольницу, которая объявляет дураками всех, кто есть на рынке, одного за другим, и осмеивает их стихами и пустыми словами!» И потом этот купец вышел из своей лавки и ударил посредника по лицу. И посредник взял девушку и пошёл с нею обратно, рассерженный, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видел невольницы более бесстыдной, чем ты! Ты сегодня обрезала мой достаток и свой достаток, и возненавидели меня из-за тебя все купцы!»

И их увидел на дороге один купец и прибавил за девушку десять динаров (а звали этого купца Шихаб-ад-дин), и посредник попросил у девушки разрешения продать её, и она сказала: «Покажи мне его, я на него посмотрю и спрошу его про одну вещь. Если эта вещь есть у него в доме, – я продамса ему, а если нет, то – нет». И посредник оставил её и, подойдя к купцу, сказал ему: «О господин мой Шихаб-ад-дин, знай, что эта невольница сказала мне, что она тебя спросит об одной вещи, и если эта вещь у тебя есть, девушка будет тебе продана. Ты слышал, что она говорила купцам, твоим товарищам...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что посредник сказал купцу: «Ты слышал, что говорила эта девушка твоим товарищам купцам.

Клянусь Аллахом, я боюсь, что, когда я приведу её к тебе, она сделает с тобою то же, что она сделала с твоими соседями, и я буду перед тобой опозорен. Если ты мне позволишь подвести к тебе девушку, я её к тебе подведу». – «Подведи её ко мне», – сказал купец. И посредник ответил: «Слушаю и повинуюсь!» – и пошёл и подвёл девушку к купцу. И девушка взглянула на него и сказала: «О господин мой Шихаб-ад-дин, есть у тебя в доме подушки, набитые кусочками беличьего меха?» – «Да, о владычица красавиц, у меня в доме десять подушек, набитых кусочками беличьего меха, – ответил купец. – Заклинаю тебя Аллахом, что ты будешь делать с этими подушками?» – «Я подожду, пока ты заснёшь, и положу их тебе на рот и на нос, чтобы ты умер», – ответила девушка.

А потом она обернулась к посреднику и сказала ему: «О гнуснейший из посредников, похоже, что ты бесноватый! Ты только что предлагал меня двум старикам, у каждого из которых по два порока, а после этого предлагаешь меня моему господину Шихаб-ад-дину, у которого три порока: во-первых, он коротенький, во-вторых, у него большой нос, а в-третьих, у него длинная борода. И кто-то из поэтов сказал о ней:

Не видали, не слышали о подобном
Человеке средь тварей всех мы ни разу.
Борода его длинная – длиной в локоть,
Нос – тот в четверть, а ростом он будет с палец.
А кто-то из поэтов сказал также:

Лицо его – торчит на нем минарет,
По тонкости – мизинец он под кольцом.
А если бы вошли к нему люди в нос,
Весь мир остался бы тогда без людей».

И когда купец Шихаб-ад-дин услышал от девушки такие речи, он вышел из своей лавки и, схватив посредника за ворот, воскликнул: «О злосчастнейший из посредников, как это ты приводишь к нам невольницу, которая нас поносит и высмеивает, одного за другим, стихами и вздорными речами!» И посредник взял девушку и ушёл от купца, говоря: «Клянусь Аллахом, я всю жизнь занимаюсь этим ремеслом, но не видел невольницы менее вежливой, чем ты, и звезды для меня несчастнее, чем твоя звезда. Ты прервала мой надел на сегодняшний день, и я ничего не нажил через тебя, кроме ударов по затылку и хватанья за ворот!»

И потом посредник опять остановился с девушкой около одного купца, обладателя рабов и невольников, и спросил: «Продавать ли тебя этому купцу, Сиди-Ала-ад-дину?» И девушка посмотрела на него и увидела, что он горбатый. «Это горбун! – сказала она, – и поэт сказал о нем:

Его плечи малы, зато длинны позвонки его:
Он похож на черта, когда звезду вдруг видит он,
Или первую получил он плётку и чувствует,
Что вторая тут, и как будто бы удивляется.
И сказал о нем также кто-то из поэтов:

На мула влез один из вас; стал он
В глазах людей образчиком сразу.
От смеха весь он согнут; не диво,
Что мул под ним шарахнулся в страхе.

Или, как сказал о нем кто-то из поэтов:

Горбуны ведь есть, что ещё дурней с горбом своим,
И очи всех плюют на них с презрением,
Точно ветвь они, что высохла, скривилась вся,
И гнёт её от долгих дней лимонов вес».

И тут посредник поспешил к девушке, и взял её, и подвёл к другому купцу, и спросил: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на купца и увидела, что у него гноятся глаза, и воскликнула: «Он с гнойливыми глазами! Как ты продаёшь меня ему, когда сказал кто-то из поэтов:

Трахома в нем! Болезнь его
Убьёт до смерти силы в нем.
О люди, посмотрите же
На эту грязь в глазу его!»

И тогда посредник взял девушку, и подошёл с ней к другому купцу, и спросил её: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на него и увидела, что у него большая борода. «Горе тебе! – сказала она посреднику, – этот человек – баран, но хвост вырос у него на горле! Как же ты продаёшь меня ему, о элосчастнейший из посредников! Разве ты не слышал, что все длиннобородые малоумны, и насколько длинна борода, настолько недостаёт ума. Это дело известное среди разумных, как сказал один из поэтов:

Коль бороду имеет муж длинную,
Сильней тогда к нему уважение.
Но только вот-убавился ум его
Настолько же, насколько длинна она.
А также сказал о нем ещё один из поэтов:

Есть друг у нас, Аллах его бороду
Без пользы нам в длину и в ширь вытянул:
И зимнюю напомнит нам ночь она,
Холодная, претемная, длинная!»

И тогда посредник взял девушку и пошёл обратно, и она спросила его: «Куда ты со мной направляешься?» – «К моему господину – персиянину, – ответил посредник. – Достаточно с нас того, что с нами сегодня из-за тебя случилось. Ты была причиной отсутствия дохода для меня и для него своей малой вежливостью».

И невольница посмотрела на рынок и взглянула направо, налево, и назад, и вперёд, и её взгляд, по предопределённому велению, упал на Нур-ад-дина Али каирского. И увидела она, что это красивый юноша с чистыми щеками и стройным станом, сын четырнадцати лет, редкостно красивый, прекрасный, изящный и изнеженный, подобный луне, когда она

становится полной в ночь четырнадцатую, – с блестящим лбом, румяными щеками, шеей, точно мрамор, и зубами, как жемчуга, а слюна его была слаще сахара, как сказал о нем кто-то:

Пришли, чтоб напомнить нам красу его дивную
Газели и луны, и я молвил: «Постойте же!
Потише, газели, тише, не подражайте вы
Ему! Погоди, луна, напрасно ты не трудись!»
А как хороши слова кого-то из поэтов:

О, как строен он! От волос его и чела его
И свет и мрак на всех людей нисходит.
Не хулите же точку родинки на щеке его –
Анемоны все точку чёрную имеют.

И когда девушка посмотрела на Нур-ад-дина, преграда встала меж нею и её умом, и юноша поразил в её душе великое место. Любовь к нему привязалась к её сердцу...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят третья ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушка увидела Али Нур-ад-дина, любовь к нему привязалась к её сердцу. И она обернулась к посреднику и спросила его: «Разве этот юноша – купец, что сидит среди купцов и одет в фарджию из полосатого сукна, не прибавил к цене за меня ничего?» И посредник ответил: «О владычица красавиц, этот юноша – чужеземец, каирец. Его отец – один из больших каирских купцов, и у него преимущество перед всеми тамошними купцами и вельможами, а юноша находится в нашем городе малый срок, и он живёт у одного из друзей своего отца. Он не говорил насчёт тебя ни о прибавке, ни об убавке».

И когда невольница услышала слова посредника, она сняла со своего пальца дорогой перстень с яхонтом и сказала посреднику: «Подведи меня к этому прекрасному юноше – если он меня купит, этот перстень будет тебе За твоё утомление в сегодняшний день». И посредник обрадовался и пошёл с нею к Нур-ад-дину, и когда невольница оказалась подле юноши, она всмотрелась в него и увидела, что он подобен полной луне, так как он был изящен в красоте, строен станом и соразмерен, как сказал о нем кто-то:

Чиста вода красы на его лице,
Из глаз его летят, разя нас, стрелы.
И давится влюблённый, даст копь выпить
Разлуки горечь он, – сладка ведь близость.
Моя любовь, и лоб, и стан красавца –
Прекрасное в прекрасном и в прекрасном.
Поистине, одежд его и платья
На шее месяца сошлись застёжки.
Его глаза, и родинки, и слезы
Мои – то ночи в ночи, среди ночи.
А бровь его, и лик его, и тело
Моё – то месяц с месяцем и месяц.
Его глаза обходят с кубком винным
Влюблённых, – копь пройдёт, он мне дозволен.
Даёт он мне напиток влаги холодной
Улыбкой уст, в день радостный сближенья.
Убить меня и кровь пролить он может
Знойно, и законно, и законно.

Потом девушка посмотрела на Нур-ад-дина и сказала ему: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, разве я не красива?» И Нур-ад-дин ответил: «О владычица красавиц, а разве есть в дольном мире кто-нибудь лучше тебя?» – «Почему же ты видел, что все купцы набавляют за меня цену, а сам молчал и ничего не сказал и не прибавил за меня ни одного динара, как будто я тебе не понравилась, о господин?» – сказала девушка. И Нур-ад-дин молвил: «О госпожа, если бы я был в моем городе, я бы купил тебя за все деньги, которыми владеют мои руки». – «О господин, – сказала девушка, – я не говорила тебе: «Купи меня против твоего желания». Но если бы ты прибавил за меня что-нибудь, ты бы залечил моё сердце, даже если бы и не купил меня, потому что купцы бы сказали: «Не будь эта девушка красивой, этот каирский купец не прибавил бы за неё, так как жители Каира сведущи в невольницах».

И Нур-ад-дину стало стыдно из-за слов, которые сказала девушка, и его лицо покраснело. «До чего дошла цена за эту девушку?» – спросил он посредника. И тот ответил: «Цена

за неё дошла до девятисот пятидесяти динаров, кроме платы за посредничество, а что касается доли султана⁴, то она с продающего». – «Пусть невольница будет моя за цену в тысячу динаров, вместе с платой за посредничество», – сказал посреднику Нур-ад-дин. И девушка поспешно отошла от посредника и сказала: «Я продала себя этому красивому юноше за тысячу динаров!» И Нур-ад-дин промолчал, и кто-то сказал: «Мы ему её продали». И другой сказал: «Он достоин!» И кто-то воскликнул: «Проклятый! Сын проклятого тот, кто набавляет цену и не покупает!» А ещё один сказал: «Клянусь Аллахом, они подходят друг к другу!»

И не успел Нур-ад-дин опомниться, как посредник привёл судей и свидетелей и написали на бумажке условие о купле и продаже, и посредник подал его Нур-ад-дину и сказал: «Получай свою невольницу! Да сделает её Аллах для тебя благословенной! Она подходит только для тебя, а ты подходишь только для неё». И посредник произнёс такие два стиха:

«Пришла сама радость послушно к нему,
Подол волоча в унижении своём.
Подходит она для него одного,
И он для неё лишь подходит одной».

И Нур-ад-дину стало стыдно перед купцами, и он в тот же час и минуту поднялся и отвесил тысячу динаров, которую он положил на хранение у москательщика, друга его отца, а потом он взял невольницу и привёл её в дом, куда поселил его старик москательщик. И когда девушка вошла в дом, она увидела там дырявый ковёр и старый кожаный коврик и воскликнула: «О господин мой, разве я не имею у тебя сана и не заслуживаю, чтобы ты привёл меня в свой главный дом, где стоят твои вещи? Почему ты не отвёл меня к твоему отцу?» – «Клянусь Аллахом, о владычица красавиц, – ответил Нур-ад-дин, – это мой дом, в котором я живу, но он принадлежит старику москательщику, из жителей этого города, и москательщик освободил его для меня и поселил меня в нем. Я же сказал тебе, что я чужеземец и что я из сыновей города Каира». – «О господин мой, – отвечала невольница, – самого маленького дома будет достаточно до тех пор, пока ты не вернёшься в свой город. Но заклинаю тебя Аллахом, о господин мой, поднимись и принеси нам немного жареного мяса, вина и плодов, сухих и» свежих». – «Клянусь Аллахом, о владычица красавиц, – ответил Нур-ад-дин, – у меня не было других денег, кроме той тысячи динаров, которую я отвесил в уплату за тебя, и я не владею ничем, кроме этих динаров. Было у меня ещё несколько дирхемов, но я истратил их вчера». – «Нет ли у тебя в этом городе друга, у которого ты бы занял пятьдесят дирхемов? Принеси их мне, а я тебе скажу, что с ними делать», – молвила девушка. «Нет у меня друга, кроме москательщика», – ответил Нур-ад-дин.

И затем он тотчас же пошёл, и отправился к москательщику, и сказал ему: «Мир с тобою, о дядюшка!» И москательщик ответил на его приветствие и спросил: «О дитя моё, что ты сегодня купил на твою тысячу динаров?» – «Я купил на неё невольницу», – ответил Нур-ад-дин. «О дитя моё, – воскликнул москательщик, – разве ты бесноватый, что покупаешь одну невольницу за тысячу динаров? О, если бы мне знать, какой породы эта невольница!» – «О дядюшка, – это невольница из дочерей франков», – ответил Нур-ад-дин...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

⁴ Долей султана называется налог на торговые сделки, поступающий в непосредственное распоряжение султана

Восемьсот семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин сказал старику москательщику: «Это невольница из дочерей франков». И старец молвил: «Знай, о дитя моё, что лучшей из дочерей франков цена у нас, в нашем городе, сто динаров. Но клянусь Аллахом, о дитя моё, над тобой устроили хитрость с этой невольницей. Если ты её полюбил, проспи подле неё сегодняшнюю ночь и удовлетвори с нею своё желание, а утром отведи её на рынок и продай, хотя бы тебе пришлось потерять на этом двести динаров. Считай, что ты потерпел кораблекрушение в море или что на тебя напали воры в дороге». – «Твои слова правильны, – ответил Нур-ад-дин. – Но ты знаешь, о дядюшка, что со мной ничего не было, кроме тысячи динаров, на которые я купил эту невольницу, и у меня ничего не осталось на расходы, ни одного дирхема. Я хочу от тебя милости и благодеяния, – одолжи мне пятьдесят дирхемов. Я буду расходовать их до завтра, а завтра я продам невольницу и верну их тебе из платы за неё». – «Я дам их тебе, о дитя моё, на голову!» – ответил старик.

И потом он отвесил Нур-ад-дину пятьдесят дирхемов и сказал: «О дитя моё, ты – юноша молодой годами, а эта невольница – красивая, и, может быть, твоё сердце привязалось к ней и тебе нелегко её продать. У тебя ничего нет на расходы, и эти пятьдесят дирхемов кончатся, и ты придёшь ко мне, и я дам тебе взаймы в первый раз, и во второй раз, и в третий раз, до десяти раз, а если ты придёшь ко мне после этого, я не отвечу тебе на законное приветствие, и пропадёт наша дружба с твоим отцом». И затем старик дал ему пятьдесят дирхемов, и Нур-ад-дин взял их и принёс невольнице, и та сказала: «О господин мой, пойдёшь сейчас же на рынок и принеси нам на двадцать дирхемов цветного шёлку пяти цветов, а на остальные тридцать дирхемов принеси нам мяса, плодов, вина и цветов».

И Нур-ад-дин отправился на рынок, и купил все, что потребовала невольница, и принёс это к ней, и девушка в тот же час и минуту поднялась, и, засучив рукава, состряпала кушанье и приготовила его самым лучшим образом, а потом она подала кушанье Нур-ад-дину, и он стал есть, и она ела с ним, пока оба не насытились. Потом она подала вино и начала пить с ним, и она до тех пор поила и развлекала Нур-ад-дина, пока тот не опьянел и не заснул. И тогда девушка в тот же час и минуту поднялась, и, вынув из своего узла мешок из таифской кожи, развязала его, и вынула из него два гвоздя, и потом она села, и принялась за работу и работала, пока не кончила, и шёлк превратился в красивый зуннар⁵. И девушка завернула зуннар в тряпицу, сначала почистив его и придав ему блеск, и положила его под подушку.

А потом она поднялась, оголилась и легла рядом с Нур-ад-дином. Она начала его растирать, и он пробудился от сна и увидел подле себя девушку, подобную чистому серебру, мягче шелка и свежее курдюка. Она была заметнее, чем знамя, и лучше красных верблюдов – в пять пядей ростом, с высокой грудью, бровями точно луки для стрел и глазами, как глаза газелей. Щеки её были точно анемоны, живот у неё был втянутый и со складками, пупок её вмещал унцию орехового масла, и бедра походили на подушки, набитые перьями страусов, а между ними была вещь, которую бессилён описать язык, и при упоминании её изливаются слезы. И как будто имел в виду поэт, говоря такие стихи:

И ночь – из её волос, заря – из её чела,
И роза – с её щеки, вино – из её слюны.
Сближение с ней – уют, разлука же с ней – огонь.

⁵ Зуннар – род пояса, непременная принадлежность одежды христианских монахов. В разговорном арабском языке этим словом обозначается всякий пояс вообще

В устах её – жемчуга, на лице её – луна.
А как прекрасны слова кого-то из поэтов:

Являет луну и гнётся она, как ива,
И пахнет амброй и глядит газелью.
И мнится, грусть влюбилась в моё сердце
И в час разлуки с ней вкушает близость.
Её лицо Плеяды затмевает,
И лба сиянье затмевает месяц.
А кто-то из поэтов сказал также:

Открылись они луной, явились нам месяцем,
Как ветви качаются, как лани глядят на нас.
И есть насурьмлённые среди них, столь прекрасные,
Что прахом под ними быть Плеяды хотели бы.

И Нур-ад-дин в тот же час и минуту повернулся к девушке, и прижал её к своей груди, и стал сосать её верхнюю губу, пососав сначала нижнюю, а затем он метнул язык между её губ и поднялся к ней, и нашёл он, что эта девушка – жемчужина несверленная и верблюдница, другим не объезженная. И он уничтожил её девственность и достиг единения с нею, и завязалась меж ними любовь неразрывная и бесконечная. И осыпал он щеки её поцелуями, точно камешками, что падают в воду, и пронзал её словно разя копьём при набеге врассыпную, ибо Нур-ад-дин любил обнимать черноглазых, сосать уста, распускать волосы, сжимать в объятиях стан, кусать щеки и сидеть на груди, с движениями каирскими, заигрываниями йеменскими, вскрикиваниями абиссинскими, истомой индийской и похотью нубийской, жалобами деревенскими, стонами дамиеттскими, жаром саидийским и томностью александрийской. А девушка соединяла в себе все эти качества вместе с избыточной красотой и изнеженностью, и сказал о ней поэт:

Вот та, кого целый век забыть я стремился,
Но все ж не склонялся к тем, кто не был к ней близок,
Подобна она луне во всем своём облике,
Прославлен её творец, прославлен создатель!
И если свершил я грех великий, любя её,
То нет на раскаянье мне больше надежды.
Бессонным из-за неё, печальным, больным я стал,
И сердце смущённое о ней размышляет.
Сказала она мне стих (а знает его лишь тот,
Кто рифмы передаёт и доблестен в этом):
«Известна ведь страсть лишь тем, кто сам испытал её,
И знает любовь лишь тот, кто сам с ней боролся».

И Нур-ад-дин с девушкой провели ночь до утра в наслаждении и радости...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин с девушкой провели ночь до утра в наслаждении и радости, одетые в одежды объятий с крепкими застёжками, в безопасности от бедствий ночи и дня, и спали они в наилучшем состоянии, не боясь при сближении долгих толков и разговоров, как сказал о них поэт превосходный:

Посещай любимых, и пусть бранят завистники –
Ведь против страсти помочь не может завистливый.
И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,
Чем влюблённые, что в одной постели лежат вдвоём.
Обнялись они, и покров согласия объемлет их,
А подушку им заменяют плечи и кисти рук.
И когда сердца заключат с любовью союз навек,
По холодному люди бьют железу, узнай, тогда.
О хулящие за любовь влюблённых, возможно ли
Поправленье тех, у кого душа испорчена?
И когда дружит хоть один с тобой – он прекрасный друг.
Проводи же жизнь ты с подобным другом и счастлив будь!

А когда наступило утро и засияло светом и заблестало, Нур-ад-дин пробудился от сна и увидел, что девушка уже принесла воду. И они с девушкой умылись, и Нур-ад-дин совершил надлежащие молитвы своему господу, и затем девушка принесла ему то, что было под рукой из съестного и напитков, и Нур-ад-дин поел и попил. А после этого невольница сунула руку под подушку и вытащила зуннар, который она сделала ночью, и подала его Нур-ад-дину, и сказала: «О господин, возьми этот зуннар». – «Откуда этот зуннар? – спросил Нур-ад-дин. И девушка сказала: «О господин, это тот шёлк, который ты купил вчера за двадцать дирхемов. Поднимайся, иди на рынок персиян и отдай его посреднику, чтобы он покричал о нем, и не продавай его меньше, чем за двадцать динаров чистыми деньгами на руки». – «О владычица красавиц, – сказал Нур-ад-дин, – разве вещь в двадцать дирхемов, которая продаётся за двадцать динаров, делают в одну ночь?» – «О господин, – ответила девушка, – ты не знаешь цены этого зуннара. Но пойди на рынок и отдай его посреднику, и, когда посредник покричит о нем, его цена станет тебе ясной».

И тогда Нур-ад-дин взял у невольницы зуннар и пошёл с ним на рынок персиян. Он отдал зуннар посреднику и велел ему кричать о нем, а сам присел на скамью перед одной из лавок, и посредник скрылся на некоторое время, а потом пришёл к нему и сказал: «О господин, вставай, получи цену твоего зуннара. Она достигла двадцати динаров чистыми деньгами на руки». И Нур-ад-дин, услышав слова посредника, до крайности удивился, и затрясся от восторга, и поднялся, чтобы получить свои двадцать динаров, а сам и верил и не верил. Получив их, он тотчас же пошёл и купил на все деньги разноцветного шёлку, чтобы невольница сделала из него всего зуннары.

И затем он вернулся домой, и отдал девушке шёлк, и сказал ей: «Сделай из него всего зуннары и научи меня также, чтобы я работал вместе с тобой. Я никогда в жизни не видел ни одного ремесла лучше и больше по заработку, чем это ремесло. Клянусь Аллахом, оно лучше торговли в тысячу раз!» И девушка засмеялась его словам и сказала: «О господин мой Нур-ад-дин, пойди к твоему приятелю москательщику и займи у него тридцать дирхемов,

а завтра отдай их из платы за зуннар вместе с пятьюдесятью дирхемами, которые ты занял у него раньше».

И Нур-ад-дин поднялся, и пришёл к своему приятелю москательщику, и сказал ему: «О дядюшка, одолжи мне тридцать дирхемов, а завтра, если захочет Аллах, я принесу тебе все восемьдесят дирхемов разом». И старик москательщик отвесил ему тридцать дирхемов, и Нур-ад-дин взял их, и пошёл на рынок, и купил на них мяса, хлеба, сухих и свежих плодов и цветов, как сделал накануне, и принёс все это девушке; а имя её было Мариам-кушачница. И, взяв мясо, она в тот же час и минуту поднялась и приготовила роскошное кушанье и поставила его перед своим господином Нур-ад-дином, и потом она приготовила скатерть с вином и начала пить вместе с юношей. И она стала наливать и поить его, и Нур-ад-дин наливал и поил её. И когда вино заиграло в их уме, девушке понравилась прекрасная тонкость Нур-ад-дина и нежность его свойств, и она произнесла такое двестише:

«Спросила стройного, как поднял чашу,
Что пахнет мускусом его дыханья:
«Из щёк ли выжали твоих ту влагу?»
Ответил: «Нет, вино из розы жмут ли?»»

И девушка беседовала с Нур-ад-дином, и он беседовал с нею, и Мариам подавала ему кубок и чашу и требовала, чтобы он ей налил и напоил её тем, от чего приятно дыханье, а когда он касался её рукой, она не давалась из кокетства. И опьянение увеличило её красоту и прелесть, и Нур-ад-дин произнёс такие два стиха:

«Вот стройная – любит пить и милому говорит
В покоях веселья – он страшится наскучить ей.
«Не пустишь коль чашу вкруг и не напоишь меня,
Один будешь ночью спать». И в страхе он налил ей».

И они продолжали пить, пока Нур-ад-дина не одолело опьянение и он не заснул, и тогда Мариам в тот же час и минуту поднялась и начала работать над зуннаром, следуя своему обычаю, а окончив, она почистила зуннар и завернула его в бумагу и, сняв с себя одежду, проспала подле Нурад-дина до утра...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мариам-кушачница, окончив делать зуннар, почистила его и завернула в бумагу и, сняв с себя одежду, проспала подле Нур-ад-дина до утра, и было между ними из близости то, что было. А потом Нурад-дин поднялся и исполнил свои дела, и Мариам подала ему зуннар и сказала: «Снеси его на рынок и продай за двадцать динаров, как ты продал такой же вчера». И Нурад-дин взял зуннар, и отнёс его на рынок, и продал за двадцать динаров, а потом он пошёл к москательщику и отдал ему восемьдесят дирхемов, и поблагодарил его за милость, и пожелал ему блага. «О дитя моё, продал ты невольницу?» – спросил москательщик. И Нур-ад-дин воскликнул: «Ты призываешь на меня зло! Как могу я предать дух из моего тела?»

И он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и сообщил ему обо всем, что с ним случилось, и старик москательщик обрадовался сильной радостью, больше которой нет, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, ты меня обрадовал, и если захочет Аллах, тебе всегда будет благо! Я хотел бы для тебя блага из любви к твоему отцу, и чтобы наша дружба с ним сохранилась!»

И затем Нур-ад-дин расстался со старым москательщиком, и в тот же час и минуту пошёл на рынок и, купив, как обычно, мясо, плоды и все необходимое, принёс это девушке.

И Нур-ад-дин с девушкой ели, пили, играли, веселились, и дружили, и развлекались за трапезой целый год. И каждую ночь девушка делала зуннар, а утром Нур-ад-дин продавал его за двадцать динаров и расходовал часть их на то, что ему было нужно, а остальное отдавал девушке, и та прятала деньги у себя до времени нужды.

А через год девушка сказала: «О господин мой Нурад-дин, когда ты завтра продашь зуннар, возьми мне на часть денег цветного шёлку шести цветов; мне пришлось на ум сделать тебе платок, который ты положишь себе на плечо. Не радовались ещё такому платку ни сыновья купцов, ни сыновья царей». И тогда Нур-ад-дин пошёл на рынок, и продал зуннар, и купил цветного шёлку, как говорила ему невольница, и принёс его ей, и Мариамкушачница сидела и работала, вышивая платок, целую неделю (а каждую ночь, окончив зуннар, она работала немного над платком), и наконец окончила его. И она подала платок Нур-ад-дину, и тот положил его на плечо и стал ходить по рынку, и купцы, люди и вельможи города останавливались возле него рядами и смотрели на его красоту и на этот платок, так хорошо сделанный.

И случилось, что Нур-ад-дин спал в одну ночь из ночей и пробудился от сна и увидел, что его невольница плачет сильным плачем и произносит такие стихи:

«Близка уж разлука с милым, близко она!
Увы мне, придёт разлука скоро, увы!
Растерзано моё сердце, горестно мне
Прошедшие вспомнить ночи, радости их!
Завистники непременно взглянут на пас
Злым оком, и все достигнут цели своей.
Вреднее всего нам будет зависть других,
Доносчиков скверных очи, сплетников всех».

И Нур-ад-дин спросил её: «О госпожа моя Мариам, что ты плачешь?» И девушка сказала: «Я плачу от страданий разлуки – моё сердце почуяло её».

«О владычица красавиц, а кто разлучит нас, когда я теперь тебе милей всех людей и сильнее всех в тебя влюблён?» – спросил Нур-ад-дин. И девушка ответила: «У меня любви во много раз больше, чем у тебя, но доверие к ночам ввергает людей в печаль, и отличился поэт, сказавший:

Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не боялся ты, судьбой приносимого.
Ты в мире с ночами был и дал обмануть себя,
Но в ясную ночь порой случается смутное.
Узнай – в небесах светил так много, что счесть нельзя,
Но солнце и месяц лишь из них затмеваются.
А сколько растений есть зелёных и высохших,
Но камни кидаем мы лишь в те, что плоды несут.
Но видишь ли – в море труп плывёт на поверхности,
А в дальних глубинах дна таятся жемчужины?»

«О господин мой Нур-ад-дин, – сказала она потом, – если ты желаешь, чтобы не было разлуки, остерегайся человека из франков, кривого на правый глаз и хромого на левую ногу (это старик с пепельным лицом и густой бородой). Он-то и будет причиной нашей разлуки. Я видела, что он пришёл в наш город, и думаю, он явился только ища меня». – «О владычица красавиц, – сказал Нур-ад-дин, – если мой взгляд упадёт на него, я его убью и изувечу!» И Мариам воскликнула: «О господин мой, не убивай его, не говори с ним, не продавай ему и не покупай у него. Не вступай с ним в сделку, не сиди с ним, не ходи с ним, не беседуй с ним и не давай ему никогда ответа законного. Молю Аллаха, чтобы он избавил нас от его зла и коварства!»

И когда наступило утро. Нур-ад-дин взял зуннар и пошёл с ним на рынок. Он присел на скамью перед одной из лавок и начал разговаривать с сыновьями купцов, и взяла его сонная дремота, и он заснул на скамье перед лавкой. И когда он спал, вдруг прошёл по рынку в это самое время тот франк, и с ним ещё семь франков, и увидел Нур-ад-дина, который спал на скамье перед лавкой, закутав лицо платком и держа его конец в руке. И франк сел подле Нур-ад-дина и, взяв конец платка, стал его вертеть в руке, и вертел его некоторое время. И Нур-ад-дин почувствовал это, и пробудился от сна, и увидел, что тот самый франк, которого описала ему девушка, сидит подле него. И Нур-ад-дин закричал на франка громким криком, который испугал его, и франк спросил: «Почему ты на нас кричишь? Разве мы у тебя что-нибудь взяли?» – «Клянусь Аллахом, о проклятый, – ответил Нур-ад-дин, – если бы ты у меня что-нибудь взял, я бы, наверное, отвёл тебя к вали!» И тогда франк сказал ему: «О мусульманин, заклинаю тебя твоей верой и тем, что ты исповедуешь, расскажи мне, откуда у тебя этот платок». – «Это работа моей матушки», – ответил Нур-ад-дин...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда франк спросил Нур-ад-дина о том, кто сделал платок, Нур-ад-дин ответил: «Этот платок – работа моей матушки, она сделала его для меня своей рукой». – «Продашь ли ты мне его и возьмёшь ли от меня его цену?» – спросил франк. И Нур-ад-дин воскликнул: «Клянусь Аллахом, о проклятый, я не продам его ни тебе, ни кому-нибудь другому! Моя мать сделала его только на моё имя и не станет делать другого». – «Продай его мне, и я дам тебе его цену сейчас же – пятьсот динаров, и пусть та, кто его сделала, сделает тебе другой, ещё лучше этого», – сказал франк. «Я никогда не продам его, потому что ему нет подобного в этом городе», – ответил Нур-ад-дин, а франк молвил: «О господин мой, а ты не продашь его за шестьсот динаров чистым золотом?» И он до тех пор прибавлял сотню за сотней, пока не довёл цену до девятисот динаров, но Нур-ад-дин сказал ему: «Аллах поможет мне и без продажи платка! Я никогда не продам его ни за две тысячи динаров, ни за больше!»

И франк продолжал соблазнять Нур-ад-дина деньгами за платок, пока не довёл его цену до тысячи динаров, и тогда некоторые из присутствующих купцов сказали ему: «Мы продали тебе этот платок, давай за него деньги!» И Нур-ад-дин воскликнул: «Я не продам его, клянусь Аллахом!» И один из купцов сказал: «Знай, о дитя моё, что этому платку цена – сто динаров, даже если она станет большой и найдётся на него охотник, а этот франк дал за него тысячу динаров сразу, так что твоя прибыль – девятьсот динаров. Какой же ты хочешь прибыли больше, чем эта? Моё мнение, что тебе следует продать платок и взять тысячу динаров. Скажи той, кто тебе его сделал, чтобы сделала тебе другой или ещё лучше, а сам наживи тысячу динаров с этого проклятого франка, врага веры». И Нур-ад-дину стало стыдно купцов, и он продал франку платок за тысячу динаров, и франк тут же отдал ему деньги. И Нур-ад-дин хотел уйти, чтобы пойти к своей невольнице Мариам и обрадовать её вестью о том, какое было у него дело с франком, но франк сказал: «О собрание купцов, задержите Нур-ад-дина, – вы с ним мои гости сегодня вечером. У меня есть бочонок румийского вина, из выдержанных вин, и жирный барашек, и плоды, свежие и сухие, и цветы, и вы возвеселите нас в сегодняшний вечер. Пусть же ни один из вас не остаётся сзади». – «О Сиди Нур-ад-дин, – сказали купцы, – мы желаем, чтобы ты был с нами в вечер, подобный сегодняшнему, и мы могли бы с тобой побеседовать. Окажи милость и благодеяние и побудь с нами; мы с тобой – гости этого франка, так как он человек благородный».

И потом они стали заклинать Нур-ад-дина разводом, и силой не дали ему уйти домой, и в тот же час и минуту поднялись, и заперли свои лавки, и, взяв Нур-ад-дина, пошли с франком, и пришли в надушённую просторную комнату с двумя портиками. И франк посадил их в ней, и положил перед ними скатерть, диковинно сработанную и дивно сделанную, на которой было изображение сокрушающего и сокрушённого, любящего и любимого, спрашивающего и спрошенного, и затем поставил на эту скатерть дорогие сосуды из фарфора и хрусталя, и все они были наполнены прекрасными плодами, сухими и свежими, и цветами. А потом франк подал купцам бочонок, полный выдержанного румийского вина, и приказал нарезать жирного барашка и, разведя огонь, начал жарить мясо и кормить купцов и поить их вином, и он подмигивал им, чтобы они приставали к Нур-ад-дину с питьём. И купцы до тех пор поили Нур-ад-дина, пока тот не опьянел и не исчез из мира.

И когда франк увидел, что Нур-ад-дин погружён в опьянение, он сказал: «Ты возвеселил нас, о Сиди Нурад-дин, в сегодняшний вечер – простор тебе и ещё раз простор!» И франк принялся развлекать Нур-ад-дина словами, и затем приблизился к нему, и сел с ним рядом, и некоторое время украдкой смотрел на него, разговаривая, а потом он спросил: «О Сиди Нур-ад-дин, не продашь ли ты мне твою невольницу? Год назад ты купил её в присутствии этих

купцов за тысячу динаров, а я теперь дам тебе в уплату за неё пять тысяч динаров, больше на четыре тысячи». И Нур-ад-дин отказался, а франк продолжал его угощать и поить и соблазнял его деньгами, пока не довёл цены за девушку до десяти тысяч динаров, и Нур-ад-дин в своём опьянении сказал перед купцами: «Я продал её тебе, давай десять тысяч динаров!» И франк сильно обрадовался этим словам и призвал купцов в свидетели.

И они провели за едой, питьём и весельем всю ночь до утра, а затем франк крикнул своим слугам: «Принесите деньги!» И ему принесли деньги, и он отсчитал Нур-ад-дину десять тысяч динаров наличными и сказал ему:

«О Сиди Нур-ад-дин, получи деньги в уплату за твою невольницу, которую ты продал мне вчера вечером в присутствии этих купцов мусульман». – «О проклятый, – воскликнул Нур-ад-дин, – я ничего тебе не продавал, и ты лжёшь на меня, и у меня нет невольниц!» Но франк сказал: «Ты продал мне твою невольницу, и эта купцы свидетельствуют о продаже».

И все купцы тогда сказали: «Да, Нур-ад-дин, ты продал ему свою невольницу перед нами, и мы свидетельствуем, что ты её продал за десять тысяч динаров. Поднимайся, получи деньги и отдай ему твою невольницу. Аллах даст тебе взамен лучшую. Разве не приятно тебе, Нур-ад-дин, что ты купил невольницу за тысячу динаров и вот уже полтора года наслаждаешься её красотой и прелестью и всякий день и ночь услаждаешь себя беседой с нею и её близостью, и после этого ты нажил на этой девушке девять тысяч динаров сверх её первоначальной цены? А она ведь каждый день делала тебе зуннар, который ты продавал за двадцать динаров. И после всего этого ты отрицаешь продажу и считаешь прибыль малой. Какая прибыль больше этой прибыли и какая нажива больше этой наживы? А если ты любишь девушку, то ведь ты насытился ею за этот срок. Получи же деньги и купи другую невольницу, лучше её, или мы женим тебя на одной из наших девушек, за приданое меньше половины этих денег, и девушка будет красивей её, и остальные деньги окажутся у тебя в руках капиталом». И купцы до тех пор говорили с Нур-ад-дином, уговаривая и обнимая его, пока он не взял эти десять тысяч динаров в уплату за невольницу. И тогда франк в тот же час и минуту привёл судей и свидетелей, и они написали ему свидетельство о покупке у Нур-ад-дина девушки, которую зовут Мариам-кушачница.

Вот что было с Нур-ад-дином. Что же касается Мариам-кушачницы, то она просидела, ожидая своего господина, весь день до заката и от заката до полуночи, но её господин к ней не вернулся, и она опечалилась и стала горько плакать. И старик москательщик услышал, что она плачет, и послал к ней свою жену, и та вошла к ней, и увидела её плачущей, и спросила: «О госпожа, почему ты плачешь?» И девушка ответила: «О матушка, я сижу и жду прихода моего господина, Нур-ад-дина, а он до сих пор не пришёл, и я боюсь, что кто-нибудь сделал с ним из-за меня хитрость, чтобы он продал меня, и хитрость вошла к нему, и он продал меня...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мариам-кушачница сказала жене москательщика: «Боюсь, что кто-нибудь сделал с моим господином из-за меня хитрость, чтобы он продал меня, и хитрость вошла к нему, и он продал меня». И жена москательщика сказала: «О госпожа моя Мариам, если бы твоему господину дали за тебя всю эту комнату, полную золота, он бы тебя не продал! Я ведь знаю его любовь к тебе. Но может быть, о госпожа моя Мариам, пришли люди из города Каира от его родителей, и он устроил им пир, в том помещении, где они стоят, и постыдился привести их в эту комнату, так как она не вместит их, или потому, что их степень мала для того, чтобы приводить их в дом. Или же он захотел скрыть от них твоё дело и остался у них на ночь до утра, а завтра, если захочет великий Аллах, он придёт к тебе в благополучии. Не обременяй же свою душу ни заботой, ни горем, о госпожа. Вот в чем причина его отсутствия сегодня ночью. Я останусь у тебя на сегодняшнюю ночь и буду тебя развлекать, пока не придёт к тебе твой господин».

И жена москательщика забавляла и развлекала Мариам разговором, пока не прошла вся ночь, а когда наступило утро, Мариам увидела, что её господин Нур-ад-дин входит с переулка, и тот франк идёт сзади него, окружённый толпой купцов. И когда Мариам увидела их, у неё затряслись поджилки, и пожелтел цвет её лица, и она начала дрожать, точно корабль посреди моря при сильном ветре. И, увидав это, жена москательщика спросила: «О госпожа моя Мариам, почему это, я вижу, ты изменилась, и пожелтело твоё лицо, и стало оно ещё худее?» И девушка ответила: «О госпожа, клянусь Аллахом, моё сердце почуяло разлуку и отдалённость встречи». И затем она начала охать, испуская глубокие вздохи, и произнесла такие стихи:

«Не доверяйся разлуке ты –
Горька ведь, право, на вкус она.
Лик солнца в час заката, знай,
Желтеет от разлуки мук.
И также в час восхода, знай,
Белеет он, встрече радуясь».

И потом Мариам-кушачница заплакала сильным плачем, больше которого нет, и уверилась в разлуке, и сказала жене москательщика: «О госпожа, не говорила ли я тебе, что с моим господином Нур-ад-дином устроили хитрость, чтобы меня продать! Я не сомневаюсь, что он продал меня сегодня ночью этому франку, хотя я его от него предостерегала. Но не поможет осторожность против судьбы, и ясна тебе стала правдивость моих слов».

И когда они с женой москательщика разговаривали, вдруг вошёл к ней в ту самую минуту её господин Нурад-дин, и девушка посмотрела на него и увидела, что цвет его лица изменился, и у него дрожат поджилки, и видны на его лице следы печали и раскаяния. И она сказала ему: «О господин мой Нур-ад-дин, ты, кажется, продал меня?» И Нур-ад-дин заплакал сильным плачем, и заохал, и, глубоко вздохнув, произнёс такие стихи:

«Таков уж рок, и пользы нет беречься нам,
И если я ошибся – не ошибся рок,
Когда Аллах захочет сделать что-нибудь
С разумным мужем, видящим и слышащим,
Он ослепит его и уши оглушит

Ему, и ум его, как волос, вырвет он.
Когда ж исполнит он над ним свой приговор,
Он ум ему вернёт, чтоб поучался он.
Не спрашивай о том, что было «почему?» –
Все так бывает, как судьба и рок велит».

И потом Нур-ад-дин стал просить у девушки прощения и сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа моя Мариам, пробежал калам с тем, что судил Аллах, и люди сделали со мной хитрость, чтобы я тебя продал, и хитрость вошла ко мне, и я продал тебя и пренебрёг тобой с величайшим небрежением. Но, может быть, тот, кто сулил разлуку, пошлёт нам встречу». – «Я предостерегала тебя от этого, и было у меня такое предчувствие», – сказала девушка. И потом она прижала его к груди, и поцеловала между глаз, и произнесла такие стихи:

«Клянусь моей страстью, не забуду я дружбы к вам,
Хотя бы погиб мой дух от страсти и от тоски.
Рыдаю и плачу я и день и ночь каждую,
Как горлинка плачет в кустах средь песков степей.
Испортилась жизнь моя, как нет вас, любимые,
Когда вы исчезли, мне встречать больше некого».

И когда они были в таком состоянии, вдруг вошёл к ним тот франк и подошёл, чтобы поцеловать руки Ситт Мариам, и она ударила его рукою по щеке и воскликнула: «Удались, о проклятый! Ты неотступно ходил за мной, пока не обманул моего господина! Но только, о проклятый, если захочет великий Аллах, будет одно лишь благо!» И франк засмеялся словам невольницы, и удивился её поступку, и попросил у неё прощения, и сказал: «О госпожа моя Мариам, а мой-то в чем грех? это твой господин Нур-ад-дин продал тебя с своего согласия и со спокойным сердцем, и, клянусь Мессией, если бы он тебя любил, он бы не пренебрёг тобою. Когда бы его желание обладать тобой не истощилось, Нурад-дин тебя не продал бы, и сказал кто-то из поэтов:

Кто наскучил мне, тот уходит пусть решительно!
Коль о нем я вспомню, не буду я рассудительным.
И тесен мир ещё ведь мне не сделался,
Чтобы видел ты, что желаю я нехотящего».

А эта невольница была дочерью царя Афранджи⁶ (это город, распространённый во все стороны, где много ремесл, диких растений, и он похож на город аль-Кустантынию), и причиною её ухода из города её отца была дивная история и удивительное дело, рассказ о котором мы поведём по порядку, чтобы возрадовался слышащий и возвеселился...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

⁶ Афранджей названа здесь Франция. Город царя Афранджи-по-видимому, один из южнофранцузских портов, вероятнее всего Марсель.

Восемьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что причиной ухода Мариам-кушачницы от её отца и матери было удивительное обстоятельство и диковинное дело. Вот оно.

Воспитывалась Мариам у отца и матери в великой изнеженности и научилась красноречию, письму и счёту, наездничеству и доблести и изучила все ремесла, как, например, вышиванье, шитьё, тканье, выделывание зуннаров, обшивание галуном, золочение серебра и серебрение золота. И она изучила все ремесла мужчин и женщин, так что стала единственной в своё время и бесподобной в свой век и столетие. И Аллах (велик он и славен!) даровал ей такую красоту и прелесть, изящество и совершенство, что она превзошла всех людей своего века. И к ней сватались у её отца властители островов, и за всякого, кто к ней сватался, он отказывался выдать её замуж, так как он любил свою дочь великой любовью и не мог с ней расстаться ни на один час. И не было у него дочери, кроме неё, а детей мужеского пола у него было множество, но он был охвачен к ней большей любовью, чем к ним.

И случилось, что царевна заболела в каком-то году сильной болезнью, так что приближилась к гибели, и тогда она дала обет, если выздоровеет от этой болезни, посетить такой-то монастырь, находящийся на таком-то острове. А этот монастырь считался у них великим, и они приносили ему, по обету, дары и получали в нем благодать. И когда Мариам выздоровела от болезни, она захотела исполнить обет, который дала, и её отец, царь Афранджи, послал её в этот монастырь на маленьком корабле и послал вместе с ней нескольких дочерей вельмож города, а также патрициев, чтобы прислуживать ей.

И когда Мариам приблизилась к монастырю, вышел корабль из кораблей мусульман, сражающихся на пути Аллаха, и они захватили всех, кто был на корабле из патрициев и девушек, и деньги, и редкости и продали свою добычу в городе Кайраване. И Мариам попала в руки одного человека – персиянина, купца среди купцов, а этот персиянин был бессильный и не сходил с женщинами, и не обнажалась над женщиною его срамota, и он назначил Мариам для услуг. И заболел этот персиянин сильной болезнью, так что приблизился к гибели, и продлилась над ним болезнь несколько месяцев, и Мариам прислуживала ему и старалась, прислуживая, пока Аллах не исцелил персиянина от его болезни. И персиянин вспомнил ласку Мариам и её участие, заботы и услуги, и захотел вознаградить её за добро, которое она ему сделала, и сказал ей: «Попроси у меня чего-нибудь, о Мариам!» И Мариам сказала: «О господин, я прошу тебя, чтобы ты продал меня лишь тому, кому я захочу и пожелаю». – «Хорошо, это тебе от меня будет, – ответил персиянин. – Клянусь Аллахом, о Мариам, я продам тебя только тому, кому ты захочешь, и я вложил продажу в твои руки».

И Мариам обрадовалась сильной радостью. А персиянин предложил ей ислам, и она стала мусульманкой, и он стал учить её правилам благочестия, и Мариам научилась у персиянина за этот срок делам веры и тому, что для неё обязательно, и он заставил её выучить Коран и то, что легко даётся из наук законовeдения и преданий о пророке. И когда персиянин вступил с ней в город Искандарию, он продал её, кому она пожелала, и оставил дело продажи в её руках, как мы упоминали. И её взял Али Нур-ад-дин, как мы рассказали, и вот то, что было причиной ухода Мариам из её страны.

Что же касается её отца, царя Афранджи, то когда до него дошло известие о захвате его дочери и тех, кто был с нею, поднялся перед ним день воскресенья, и царь послал за дочерью корабли с патрициями, витязями, мужами и богатырями, но они не напали на весть о ней, после розысков на островах мусульман, и возвратились к её отцу, крича о горе и гибели и делах великих. И отец Мариам опечалился сильной печалью и послал за ней того кривого на правый глаз и хромого на левую ногу, так как он был величайшим из его везирей, и был это

непокорный притеснитель, обладатель хитростей и обмана. И царь велел ему искать Мариам во всех землях мусульман и купить её хотя бы за полный корабль золота, и этот проклятый искал девушку на морских островах и во всех городах, но не напал на вест о ней, пока не достиг города Искандарии. И он спросил про неё и напал на вест о том, что она у Нур-ад-дина Али каирского. И случилось у него с Нур-ад-дином то, что случилось, и он устроил с ним хитрость и купил у него девушку, как мы упоминали, после того как ему указал на неё платок, которого не умел делать никто, кроме неё.

А этот франк научил купцов и сговорился с ними, что добудет девушку хитростью.

И Мариам, оказавшись у франка, проводила все время в плаче и стенаниях, и франк сказал ей: «О госпожа моя Мариам, оставь эту печаль и плач и поедem со мной в город твоего отца и место твоего царства, где обитель твоей славы и родина, чтобы была ты среди твоих слуг и прислужников. Оставь это унижение и пребывание на чужбине, довольно того, что пришлось мне из-за тебя утомляться, путешествовать и тратить деньги, а я ведь путешествую, утомляюсь и трачу деньги почти полтора года. А твой отец велел мне тебя купить хотя бы за полный корабль золота». И потом везирь царя Афранджи начал целовать девушке ноги и унижаться перед нею и все время возвращался к целованию её рук и ног, и гнев Мариам все увеличивался, когда он делал это с нею из вежества, и она говорила: «О проклятый, да не приведёт тебя великий Аллах к тому, в чем твоё желанье!»

А затем слуги тотчас подвели мула с расшитым седлом и посадили на него Мариам и подняли над её головой шёлковый намёт на золотых и серебряных столбах, и франки пошли, окружая девушку, и вышли с нею из Морских Ворот. И они посадили её в маленькую лодку и начали грести, и подплыли к большому кораблю, и поместили на нем девушку, и тогда кривой везирь встал и крикнул матросам корабля: «Поднимите мачту!» И в тот же час и минуту мачту подняли, и распустили паруса и флаги, и растянули ткани из хлопка и льна, и заработали вёслами, и корабль поплыл. А Мариам, при всем этом, смотрела в сторону Искандарии, пока город не скрылся из глаз, и горько плакала потихоньку...»

И Шахразадy застигло утро, а она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда поплыл корабль везиря даря Афранджи, на котором была Мариам-кушачница, девушка смотрела в сторону Искандарии, пока город не скрылся из глаз, и тогда Мариам заплакала, и зарыдала, и пролила слезы, и произнесла такие стихи:

«О милых жилище, возвратишься ли снова к нам?
Неведомо мне совсем, что ныне Аллах свершит.
Увозят нас корабли разлуки, спешат они,
И глаз мой изранен – его стёрли потоки слез
В разлуке с любимым, что пределом желаний был
И мой исцелял недуг и горести прогонял.
Господь мой, преемником моим для него ты будь –
Порученное тебе вовеки не пропадёт».

И Мариам всякий раз, как вспоминала Нур-ад-дина, все время рыдала и плакала, и подошли к ней патриции и стали её уговаривать, но она не принимала их слов, и отвлекал её призыв любви и страсти. И она заплакала, застонала и зажаловалась и произнесла такие стихи:

«Язык моей страсти, знай, в душе говорит с тобой –
Вещает он обо мне, что страстно тебя люблю.
И печень моя углями страсти расплавлена,
А сердце трепещет и разлукой изранено.
Доколе скрывать мне страсть, которой расплавлен я?
Болят мои веки, и струятся потоки слез».

И Мариам все время была в таком состоянии, и не утверждался в ней покой, и не слушалась её стойкость в течение всего путешествия, и вот то, что было у неё с кривым и хромым везирем.

Что же касается Али Нур-ад-дина каирского, сына купца Тадж-ад-дина, то, после того как Мариам села на корабль и уехала, земля стала для него тесна, и не утверждался в нем покой, и не слушалась его стойкость. И он пошёл в комнату, в которой жил с Мариам, и увидел её, перед лицом своим, чёрной и мрачной, и увидел он станок, на котором Мариам ткала зуннары, и одежды, что были у неё на теле, и прижал их к груди, и заплакал, и полились из-под его век слезы, и он произнёс такие стихи:

«Узнать ли, вернётся ль близость после разлуки вновь
И после печали и оглядок в их сторону?
Далеко минувшее, оно не вернётся вновь!
Узнать бы, достанется ль мне близость с любимой.
Узнать бы, соединит ли снова нас с ней Аллах,
И вспомнят ли милые любовь мою прежнюю.
Любовь, сохрани ты ту, кого неразумно так
Сгубил я, и мой обет и дружбу ты сохрани!
Поистине, я мертвец, когда далеко они.
Но разве любимые согласны, чтоб я погиб?»

О горе, когда печаль полезна моя другим!
Растаял я от тоски и горя великого.
Пропало то время, когда близок я с нею был.
Узнать бы, исполнит ли желание моё судьба?
О сердце, горюй сильней, о глаз мой, пролей поток
Ты слез, и не оставляй слезы ты в глазах моих.
Далеко любимые, и стойкость утрачена,
И мало помощников, беда велика моя!
И господу я миров прошу, чтоб послал он мне
Опять возвращенье милой с близостью прежнюю».

И Нур-ад-дин заплакал сильным плачем, больше которого нет, и посмотрел он на уголки комнаты и произнёс такие стихи:

«Я таю с тоски, увидя следы любимых
На родине их, потоками лью я слезы,
Прошу я того, кто с ними судил расстаться,
Чтоб мне даровал когда-нибудь он свиданье».

И потом Нур-ад-дин в тот же час и минуту поднялся, запер ворота дома и бегом побежал к морю и стал смотреть, где находится корабль, который увёз Мариам. И он начал плакать и испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«Привет вам! Без вас теперь не в силах я обойтись,
И где бы ни были – вблизи или далеко,
Влечёт меня к вам, друзья, всегда, каждый час и миг,
И так же я к вам стремлюсь, как жаждущие к воде.
Всегда подле вас мой слух и сердце моё и взор,
И мысль о вас сладостнее мёда мне кажется.
О горе, когда ушёл от стана ваш караван,
И с вами ушёл корабль от мест, куда я стремлюсь!»

И Нур-ад-дин зарыдал, заплакал, застонал, взволновался и засетовал и вскрикнул: «О Мариам, о Мариам, довелось ли тебе увидеть меня во сне или в сплетениях грёз?» А когда усилилась его печаль, он произнёс такие стихи:

«Увидит ли после дали этой опять вас глаз,
Услышу ли из жилища близкого голос ваш?
Сведёт ли нас вновь тот дом, который привык уж к нам,
Желанное получу ль, получите ль вы его?
Возьмите, куда б ни шли, носилки костям моим,
И где остановитесь, заройте их подле вас.
Имей я два сердца, я бы жил лишь с одним из них,
А сердце, что любит вас так страстно, оставил бы.
И если б спросили: «От Аллаха чего б желал?»
Сказал бы: «Прощенья ар-Рахмана и вашего».

И когда Нур-ад-дин был в таком состоянии, и плакал, и говорил: «О Мариам, о Мариам!», – вдруг какой-то старик вышел из лодки, и подошёл к нему, и увидел, что он плачет, и произнёс такое двустиише:

«О Марьям красавица, вернись – ведь глаза мои,
Как облако дождевое, влагу струят свою.
Спроси ты хулителей моих прежде всех людей,
Увидишь, что тонут веки глаза в воде белков».

И старик сказал ему: «О дитя моё, ты, кажется, плачешь о невольнице, которая уехала вчера с франком?» И когда Нур-ад-дин услышал старика, он упал без сознания и пролежал час времени, а потом он очнулся и заплакал сильным плачем, больше которого нет, и произнёс такие стихи:

«Надеяться ль после дали вновь на сближение с ней,
И дружбы услада возвратится ли полностью?
Поистине, в моем сердце страсть и волнение,
И толки доносчиков тревожат и речи их.
Весь день пребываю я смущённым, растерянным,
А ночью надеюсь я, что призрак её придёт.
Аллахом клянусь, ко мне любви не забуду я!
И как же, когда душе наскучили сплетники?
Нежна она членами и впалы бока её,
И глаз её в моё сердце стрелы метнул свои.
Напомнит нам ивы ветвь в саду её тонкий стан,
А прелесть красы её свет солнца смутит совсем.
Когда б не боязнь Аллаха (слава славна его!),
Сказал бы я столь прекрасной: «Слава славна её!»

И когда старик посмотрел на Нур-ад-дина и увидал его красоту, и стройность, и соразмерность, и ясность его языка, и тонкость его, и разнообразие, его сердце опечалилось о юноше, и он сжалился, увидя его состояние. А этот старик был капитаном корабля, шедшего в город той невольницы, и было на его корабле сто купцов из придворных мусульман. И он сказал Нур-ад-дину: «Терпи и будет одно лишь благо, и если захочет Аллах – величие ему и слава! – я доставлю тебя к ней...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик капитан сказал Нур-ад-дину: «Я доставлю тебя к ней, если захочет Аллах великий». – «Когда отъезд?» – спросил Нур-ад-дин. И капитан ответил: «Нам осталось ещё три дня, и мы поедem во благе и безопасности». И Нур-ад-дин, услышав слова капитана, обрадовался сильной радостью и поблагодарил его за его милость и благодеяние, а потом он вспомнил дни близости и единения со своей невольницей, не имеющей подобия, и заплакал сильным плачем и произнёс такие стихи:

«О, сблизит ли милосердый с вами меня опять,
Достигну ль своей я цели, о господи, иль нет?
Подарит ли мне судьба от вас посещение,
Чтоб веки над вами я закрыть мог из скупости?
Когда б продавалась близость к вам, я б купил её
За дух свой, но вижу я, что близость дороже к вам».

И потом Нур-ад-дин в тот же час и минуту вышел, и пошёл на рынок, и взял там все, что ему было, нужно из пищи и припасов для путешествия, и пришёл к тому капитану, и, увидев его, капитан спросил: «О дитя моё, что это у тебя такое?» – «Мои припасы и то, что мне нужно в пути», – ответил Нур-ад-дин. И капитан засмеялся его словам и сказал: «О дитя моё, разве ты идёшь полюбоваться на Колонну Мачт?⁷ Между тобой и твоей целью – два месяца пути, если ветер хорош и время безоблачно». И потом старик взял у Нур-ад-дина немного денег, и пошёл на рынок, и купил ему все, что ему было нужно для путешествия, в достаточном количестве, и наполнил ему бочонок пресной водой. И Нур-ад-дин оставался на корабле три дня, пока купцы собрались и сделали свои дела, и затем они сошли на корабль, и капитан распустил паруса, и путники ехали пятьдесят один день.

А случилось потом, что напали на них корсары, преграждающие дорогу, и ограбили корабль, и взяли в плен всех, кто был на нем, и привели их в город Афранджу, и показали своему царю (а Нур-ад-дин был в числе их), и царь велел заключить их в тюрьму. И когда они шли от царя в тюрьму, прибыло то судно, на котором была царевна Мариам-кушачница и кривой везирь. И когда судно приплыло к городу, везирь поднялся к царю и обрадовал его вестью о благополучном прибытии его дочери, Мариам-кушачницы, и стали бить в литавры и украсили город наилучшими украшениями. И царь выехал со всем своим войском и вельможами правления, и они отправились к морю, навстречу царевне.

И когда корабль подошёл, дочь царя, Мариам, вышла, и царь обнял её и поздоровался с нею, и она поздоровалась с ним, и царь подвёл ей коня, и она села. А когда она достигла дворца, её мать встретила её, и обняла, и поздоровалась с нею, и спросила, как она поживает и девушка ли она, какою была у них раньше, или стала женщиной, познавшей мужчину. И Мариам сказала: «О матушка, когда человека продают в странах мусульман от купца к купцу и он становится подвластным другому, как можно остаться невинной девушкой? Купец, который купил меня, грозил мне побоями и принудил меня, и уничтожил мою девственность, и продал меня другому, а тот продал меня третьему». И когда мать Мариам услышала от неё эти слова, свет стал перед лицом её мраком, а потом девушка повторила эти слова отцу, и ему стало тяжело, и дело показалось ему великим. И он изложил эти обстоятельства вель-

⁷ Колонна Мачт – гигантская колонна, воздвигнутая в Александрии римским префектом Помпеи (322 год н. э.) в честь императора Диоклетиана

можам правления и патрициям, и они сказали ему; «О царь, она стала нечистой у мусульман, и очистит её только отсечение ста мусульманских голов».

И тогда царь велел привести пленных мусульман, которые были в тюрьме, и их всех привели к царю, и в числе их Нур-ад-дина, и царь велел отрубить им головы. И первый, кому отрубили голову, был капитан корабля, а потом отрубили головы купцам, одному за другим, и остался только Нур-ад-дин. И оторвали кусок от его полы, и завязали ему глаза, и поставили его на коврик крови, и хотели отрубить ему голову. И вдруг, в эту минуту, подошла к царю старая женщина и сказала: «О владыка, ты дал обет отдать каждой церкви пять пленных мусульман, если бог возвратит твою дочь Мариам, чтобы они помогли прислуживать в ней. Теперь твоя дочь, Ситт-Мариам, к тебе прибыла, исполни же обет, который ты дал». – «О матушка, – ответил царь, – клянусь Мессией и истинной верой, не осталось у меня из пленных никого, кроме этого пленника, которого собираются убить. Возьми его – он будет помогать тебе прислуживать в церкви, пока не доставят нам ещё пленных мусульман, и тогда я пришлю тебе остальных четырех. А если бы ты пришла раньше, прежде чем отрубили головы этим пленным, мы бы дали тебе все, что ты хочешь».

И старуха поблагодарила царя за его милость и пожелала ему вечной славы и долгого века, и счастья, а затем она в тот же час и минуту подошла к Нур-ад-дину и свела его с коврика крови, и посмотрела на него, и увидела, что это нежный, изящный юноша, с тонкой кожей, и лицо его, подобно луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца. И старуха взяла его и пошла с ним в церковь и сказала: «О дитя моё, сними одежду, которая на тебе: она годится только для службы султану». И потом она принесла Нур-ад-дину чёрный шерстяной кафтан, чёрный шерстяной платок и широкий ремень и одела его в этот кафтан, а платок повязала ему, как тюрбан, и подпоясала его ремнём, и затем она велела ему прислуживать в церкви. И Нур-ад-дин прислуживал там семь дней.

И когда это было так, старуха вдруг пришла к нему и сказала: «О мусульманин, возьми твою шёлковую одежду, надень её, возьми эти десять дирхемов и сейчас же уходи. Гуляй сегодня и не оставайся здесь ни одной минуты, чтобы не пропала твоя душа». – «О матушка, что случилось?» – спросил её Нур-ад-дин. И старуха сказала: «Знай, о дитя моё, что царская дочь, Ситт-Мариамкушачница, хочет сейчас прийти в церковь, чтобы посетить её и получить благодать и принять причастие ради сладости благополучия, так как она вырвалась из мусульманских стран, и исполнить обеты, которые она дала, на случай, если спасёт её Мессия. И с нею четыреста девушек, каждая из которых не иначе как совершенна по прелести и красоте, и в числе их – дочь везиря и дочери эмиров и вельмож правления. Сейчас они явятся, и, может быть, их взгляд упадёт на тебя в этой церкви, и тогда они изрубят тебя мечами». И Нур-ад-дин взял у старухи десять дирхемов, надев сначала свою одежду, и вышел на рынок, и стал гулять по городу, и узнал все его стороны и ворота...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин, надев свою одежду, взял у старухи десять дирхемов и вышел на рынок и отсутствовал некоторое время, пока не узнал все стороны города, а потом он увидел, что Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи, подошла к церкви и с нею четыреста девушек – высокогрудых дев, подобных лунам, и в числе их была дочь кривого везира и дочери эмиров и вельмож правления.

И Мариам шла среди них точно луна среди звёзд, и, когда упал на неё взор Нур-ад-дина, он не мог совладать со своей душой и закричал из глубины сердца: «Мариам, о Мариам!» И когда девушки слышали вопль Нур-ад-дина, который кричал: «О Мариам!», они бросились на него и, обнажив белые мечи, подобные громовым стрелам, хотели тотчас же убить его. И Мариам обернулась, и всмотрелась в Нур-ад-дина, и узнала его самым лучшим образом. И тогда она сказала девушкам: «Оставьте этого юношу: он, несомненно, бесноватый, так как признаки бесноватости видны на его лице». И Нур-ад-дин, услышав от Ситт-Мариам эти слова, обнажил голову, выпучил глаза, замахал руками, скривил ноги и начал пускать пену из уголков рта. И Ситт-Мариам сказала девушкам: «Не говорила ли я вам, что это бесноватый? Подведите его ко мне и отойдите от него, а я послушаю, что он скажет. Я знаю речь арабов и посмотрю, в каком он состоянии, и принимает ли болезнь его бесноватости лечение, или нет».

И тогда девушки подняли Нур-ад-дина и принесли его к царевне, а потом отошли от него, и Мариам спросила: «Ты приехал сюда из-за меня и подверг свою душу опасности и притворился бесноватым?» – «О госпожа, – ответил Нур-ад-дин, – разве не слышала ты слов поэта:

Сказали: «Безумно ты влюблён». И ответил я:
«Поистине, жизнь сладка одним лишь безумным!»
Подайте безумье мне и ту, что свела с ума.
И если безумье – объяснит, – не корите».

«Клянусь Аллахом, о Нур-ад-дин, – сказала Мариам, – поистине, ты сам навлекаешь на себя беду! Я предостерегала тебя от этого, прежде чем оно случилось, но ты не принимал моих слов и последовал своей страсти, а я говорила тебе об этом не по откровению, чтению по лицам или сновидению, – это относится к явной очевидности. Я увидела кривого везира и поняла, что он пришёл в тот город только ища меня». – «О госпожа моя Мариам, – воскликнул Нур-ад-дин, – у Аллаха прошу защиты от ошибки разумного!» И потом состояние Нур-ад-дина ухудшилось, и он произнёс такие стихи:

«Проступок мне подари того, кто споткнулся, ты –
Раба покрывают ведь щедроты его владык,
С злодея достаточно вины от греха его,
Мученье раскаянья уже бесполезно ведь.
Вес сделал, к чему зовёт пристойность, сознавшись, я,
Где то, чего требует прощенье великих душ?»

И Нур-ад-дин с госпожой Мариам-кушачницей все время обменивались упрёками, излагать которые долго, и каждый из них рассказывал другому, что с ним случилось, и они говорили стихи, и слезы лились у них по щекам, как моря. И они сетовали друг другу на силу

любви и муки страсти и волнения, пока ни у одного из них не осталось силы говорить, а день повернул на закат и приблизился мрак. И на Ситт-Мариам было зеленое платье, вышитое червонным золотом и украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и увеличилась её красота, и прелесть, и изящество её свойств, и отличился тот, кто сказал о ней:

Явилась в зеленом платье полной луной она,
Застёжки расстёгнуты и кудри распущены.
«Как имя?» – я молвил, и в ответ мне она: «Я та,
Что сердце прижгла влюблённых углём пылающим.
Я – белое серебро, я – золото; выручить
Пленённого можно им из плена жестокого».
Сказал я: «Поистине, в разлуке растаял я!»
Она: «Мне ли сетуешь, коль сердце моё – скала?»
Сказал я ей: «Если сердце камень твоё, то знай:
Заставил потечь Аллах из камня воды струю».

И когда наступила ночь, Ситт-Мариам обратилась к девушкам и спросила их: «Заперли ли вы ворота?» – «Мы их заперли», – ответили они. И тогда Ситт-Мариам взяла девушек и привела их в одно место, которое называлось место госпожи Мариам, девы, матери света, так как христиане утверждают, что её дух и её тайна пребывают в этом месте. И девушки стали искать там благодати и ходить вокруг всей церкви. И когда они закончили посещение, Ситт-Мариам обратилась к ним и сказала: «Я хочу войти в эту церковь одна и получить там благодать – меня охватила тоска по ней из-за долгого пребывания в мусульманских странах. А вы, раз вы окончили посещение, ложитесь спать, где хотите». – «С любовью и уважением, а ты делай что желаешь», – сказали девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.